

Эльшер

**Богу Божье 1:
Потерянный мир**

**Мир
Гайи**

Эли Эшер

Богу Божье – 1: Потерянный мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37395955

ISBN 9785449337962

Аннотация

Прежде чем громогласно заявлять «Бога нет!», подумайте, а вдруг это как раз вы? По крайней мере, тогда вас не поймает неожиданное развитие событий, свалившееся на мою голову. И ведь не отвертитесь. Есть бог, нету бога, а работу-то кому-то делать надо! Тем более, если его нет. Это ведь только кажется, что быть богом здорово. Что хочешь, то и твори. Ан нет. Это только кажется, что быть богом – это вседозволенность, а на самом деле – это всеответственность.

Содержание

От автора	5
Введение	6
Глава 1.	7
Мир, забытый Афрой в комодe, 20 тысяч лет назад по локальному времени	7
Алексель	13
F60 Алексель	16
Алексель, мир, забытый Афрой в комодe	23
Алексель	25
Алексель, мир, забытый Афрой в комодe	35
Дырт, мир, забытый Афрой в комодe	46
Алексель, мир, забытый Афрой в комодe	49
Мемодемон Тин, мир, забытый Афрой в комодe	72
Селим, барон Кампфер, магистр Высшей Ступени Тайного Искусства Некромантии, мир, забытый Афрой в комодe	77
Алексель, мир, забытый Афрой в комодe	83
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Богу Божье – 1: Потерянный мир

Эли Эшер

Дизайнер обложки Евгения Лаврова (9Lion6)

Редактор Ксения Зуден

© Эли Эшер, 2018

© Евгения Лаврова (9Lion6), дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3796-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3797-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Прежде чем громогласно заявлять «Бога нет!», подумайте, а вдруг это как раз вы? По крайней мере, тогда вас не поймает неожиданное развитие событий, свалившееся на героя цикла «Богу – божье». И ведь не отвертитесь. Есть бог, нету бога, а работу-то кому-то делать надо! Тем более, если его нет.

Введение

А в кабинке номер тринадцать сияло солнце, и я вышел погулять по пляжу. Погода была отличная, так что я соорудил себе под настроение легкие шорты камуфляжной расцветки, серое поло и пошел бродить босиком по зоне прибойя.

Да, а мы знакомы? Зовут Алексель, или просто Лёха, а вообще-то каждый называет меня как попало. Аля, Миха, Гита, профессор, даже наш кот Мартик – все по-разному. Как говорится, как бог на душу положит. Я, впрочем, уже привык. Иногда даже удобно, в прошлые времена, когда пользовался телефоном, можно было угадать, кто звонит, по тому, как они меня называют.

Подробнее о себе? Ну, что-то вроде научного сотрудника. А вообще, если интересно, почитайте предыдущую книгу, первоначально скромно названную «Гений». Нет, это не то, что вы подумали. Лучше просто прочитайте. Там в самом деле написано. В самом начале.

Глава 1.

Пороги и пустоши

Мир, забытый Афрой в комодe, 20 тысяч лет назад по локальному времени

В мире появился мем. Вообще-то в этом не было ничего необычного, в любом мире, населенном разумными существами, каждое мгновение рождается и умирает множество мемов, часто причудливых, хаотичных и бессмысленных, как в плохом сне. Этот мем, правда, был рожден не во сне.

Слабенький маг Морт, по сути, еще ученик мага, бился над изучением целительских заклинаний, которые пытался вдолбить в его голову учитель. Нет, узоры Морт запоминал неплохо, но их мало запомнить, надо еще наполнить энергией. А вот с энергией у Морта было не сказать что плохо, а просто очень плохо. Настолько плохо, что старшие ученики иногда измывались над ним, подвешивая на силовой линии и завязывая ее бантиком перед носом слабака. Вот и види так, пока не дотянешься мысленно до торчащего перед носом кончика линии и не потянешь его с достаточной си-

лой на себя. А учитель еще и поощрял хулиганов, считая, что это упражнение может развить способности Морта. Увы, не развивало и только питало ненависть к другим ученикам и к учителю.

Слабый он маг был. Пока что его энергии хватало, чтобы оживить раздавленного таракана, а вот на крысу уже не хватало. А ведь завтра учитель спросит... – пришло в голову Морту, отчего захотелось начать стучаться головой об стол, на котором лежала та самая дохнувшая крыса, энергии на которую Морту категорически не хватало.

«Энергия – жизнь», – пришла в голову Морту цитата учителя, – «А жизнь – энергия», – заключил непутевый ученик, просто переставив слова, поскольку не видел большого смысла ни в той фразе, ни в другой. Так, из дурацкой мутации у неумейки-ученика и родился этот мем. «Жизнь -> Энергия». Уже не первый раз в этом мире, кстати, но в других головах он не имел хороших шансов выжить. Даже как каламбур он был, увы, весьма средненький. Таким и перед девушкой не похвастаешь, не поймет, да и приятели-собратья по магическому ученичеству вряд ли оценят.

Тем не менее, на этот раз мему повезло. Очень повезло. Плавая и тихо угасая в мозгах Морта, мем «жизнь – энергия» ненароком зацепился за мем «энергия – брат». А вот этот мем был очень силен у Морта, поскольку всю свою ученическую жизнь тот боролся с недостатком энергии, и мем «энергия – брат» был у него завязан на мечты о будущей

славе, деньгах, женщинах, могуществе, да что там о могуществе, просто на выживание. Так мем получил якорь – то, ради чего человек будет держать его в своем сознании. Сцепившись, мемы образовали простенький линейный мемокомплекс «жизнь – энергия – брать». А потом, сложившись углом, края комплекса сцепились, создав третий мем «жизнь – брать», по-прежнему зацепленный за выживание и мечты о светлом будущем.

Медленно вращающийся в мозгах Морта и теперь уже устойчивый треугольник из трех мемов, наконец, зацепил сознание, и тот по-новому взглянул на крысу. «Брать», – мысленно повторил он про себя. А ведь и правда, если нельзя дать, поскольку нет, может, можно взять? Хотя, глупость какая! Берут энергию из силовых линий, а тут какие тебе силовые линии? Крыса и крыса. Отбросив показавшуюся бредовой мысль, Морт опять сконцентрировался на задании учителя, но мгновенно уделенное внимание усилило треугольник, который завращался быстрее в подсознании, задевая все больше смежных областей знания, пока случайно не задел занудные уроки о других расах. Точнее, об эльфах. В залежах бесполезных знаний о перворожденных, вбитых в него зачем-то учителем, лежал другой мем-треугольник – «дерева – энергия – брать».

Сцепившись, мемы опять выскользнули на поверхность сознания, и Морт снова взглянул на крысу. А ведь и правда, если эльфы могут брать у растений, то почему бы не брать

у животных? И, потянувшись, стал не вливать, а тянуть энергию из твари. Сначала шло слабо, крысе было больно и страшно, ее аура дрожала, но Морт сконцентрировался на этих вибрациях и забрал эту боль и страх, почувствовав вливающуюся в него энергию. Боль и страх давали удивительно много, а главное, текли в него легко и непринужденно. Животное охотно расставалось с болью и страхом и даже, казалось, помогало магу перекачивать их в себя. Не то, что эти нити в воздухе.

А ведь таким можно даже учителю похвастаться, подумал Морт. Это ж как здорово, забрал у раненого боль и страх, и оперируй, ни о чем не беспокоясь. А потом обратно влил и заживил. Хотя, если так много энергии взять, то, скорее всего, пациент операции может и не выдержать, – сообразил Морт, глядя на гаснущие глазки крысы, – так что скорее от учителя по шее получу за такие эксперименты. Нет, не стоит с ним делиться, решил он, и крыса испустила дух, залив его дармовой энергией. Треугольник мемов оброс «бородой» из «тянуть – боль – страх», вливаясь обратно в «жизнь» и становясь основой практического и осознанного знания Морта. Завтра перед экзаменом по излечению надо будет наведаться в подвал, поймать парочку крыс и выпить их, решил он, раз и навсегда разобравшись со своей проблемой нехватки силы.

Через полгода Морт выпил первого человека – другого ученика, ухаживавшего за понравившейся Морту девушкой.

И скоро Морт уяснил: умирая, люди дают значительно больше энергии, чем животные, а маги – больше, чем люди. Особенно могущественные маги. Как учитель. Правда, в одиночку с учителем не справиться, но если подговорить других учеников... Морт покровительствовал нескольким откровенно слабым ученикам, которые, как и он сам, еще недавно страдали от недостатка энергии и которые теперь смотрели ему в рот и были готовы идти за ним в огонь и воду. А если еще научить их брать энергию жизни, то, может, и удастся справиться с учителем, а это столько энергии, что Морт сразу же станет одним из сильнейших магов королевства. Так мем обзавелся транспортом – тем, что заставляет уже зараженных им людей делиться мемом с другими и распространять его дальше. Сам мем этого не знал, он был лишь тупой пассивной информационной структурой, но именно в этот момент он стал полноценным мемовирусом, способным заражать умы людей и распространяться от одного человека к другому.

Удалось. Остатки учеников и пара-тройка лейтенантов Морта, которые почти крысиным нюхом учуяли, что их тоже скоро выпьют, сбежали в соседнее королевство, а для Морта начался подъем наверх. И вскоре в королевстве появился новый король, Морт Первый. Только придя к власти, новый король публично отрекся от колдовства, объявив его происка-ми Проклятого, и на главной площади столицы каждые выходные под ликование толпы запыхали костры, на которых

згли ведьм и колдунов. Казненные сначала дико выли и извивались от боли, но потом король в рясе монаха протягивал к ним руку с балкона дворца и громогласно объявлял: «Дарую тебе прощение грехов, слуга Проклятого, да будет мир твоей душе, да примет ее Единый!», и на глазах толпы на умирающего спускалась благодать Единого. Черты лица разглаживались, боль и страх отступали, и с миром в глазах их души прощались с телом, которое мгновенно усыхало в жаре костра, превращаясь в иссохшую мумию, вспыхивающую, как свечка.

А потом лишенное магической поддержки королевство завоевали соседи. Те самые, куда сбежали уцелевшие ученики и собратья Морта. И теперь уже Морт завывал, привязанный к столбу на костре, а потом с умиротворенным лицом иссох и превратился в горящую свечу, отпущенный другим жрецом Единого и, по странной случайности, давним соучеником Морта. Впрочем, мему, а точнее, уже мемовирусу, это было уже все равно. Он давно укоренился в умах других людей и начал свое шествие по планете.

Алексель

А в кабинке номер тринадцать сияло солнце, и я вышел погулять по пляжу. Погода была отличная, так что я соорудил себе под настроение легкие шорты камуфляжной расцветки, серое поло и пошел бродить босиком по зоне прибойя. Отлив открыл широкую полосу песка, несколько десятков метров которого размеренно заливали и освобождали океанские волны с гребешками на вершинах. Вода надвигалась, нахлынув на песок, растекалась кружевными полукругами и потом отступала, оставляя пузырящийся оставшимся внутри воздухом песок. По влажному, освобожденному от воды песку, между пустых скорлупок мелких крабов и мидий, деловито бегали мелкие рачки и белесые насекомые, а чуть подалее расположилась стая чаек, чуть-чуть отодвигаясь, когда волны подбирались слишком близко, но в остальном совершенно равнодушная к морской стихии.

– Лёх, ты хайкинг любишь? – раздался вдруг голос Михи.

– Люблю погулять по свежему воздуху, прям сейчас чем-то вроде и занимаюсь. А что, есть идеи?

– Есть, – подтвердил Миха материализуясь передо мной, – А как насчет с рюкзачком, да поохотиться?

– С рюкзачком тоже можно, а охотиться – смотря на кого.

– На демонов.

– На полигоне у Йогиты, что ли?

– Не, не учебных, реальных. Тут в одном из миров дырка из сети образовалась, так демоны из сеточки просачиваются и все портят.

– А чего не почистить их прямо в сеточке? – озабоченно спросил я, – Это ж безобразия, демоны в сети.

– Так почистили бы, да мы мир найти не можем. Афра его куда-то засунула и забыла!

– А как же мы туда попадем?

– Просто, Лех. У нас есть дырка в него из S60, еще до того, как этот мир потеряли, демиург зачем-то сделал. Так что отправляемся в S60, поближе к месту перехода, ныряем в дырку, и на месте! Ты, главное, навыки поединков на мечех активируй, лучше с двумя мечами, пригодится. Одежда на жарко-умеренный климат и обязательно высокие непромокаемые сапоги. Стиль средневековый. И пошли!

– Так ведь подгрузить еще навыки надо, нет?

– Зачем, Лех? – удивился Миха, – Они у тебя и так все на месте, просто не активированы. Впрочем, делай как хочешь, но чтоб были. Очень полезное умение там. Готов?

– погоди минутку... – я сконцентрировался и действительно нашел навыки боя на мечех где-то на задворках подсознания, причем и правда неактивированные. Надо ж, как он хорошо меня знает... Кстати, насчет тела, не буду я, наверное, от своего обычного вида сильно отклоняться, а возраст, скажем, лет двадцать пять, чтобы мышцы и мозг полностью сформировались. Моложе не стоит, а так и силы есть,

и кое-где еще свербит, чтобы приключения не утомляли. Активировав навыки, я подобрал соответствующую одежду, сапоги с кожей, скрывающей непромокаемую резину, подтянулся мысленно и сказал, – Вот теперь готов!

– Лови координаты! Пошли!

Приняв координаты, я материализовал тело в S60 и запустил там поток сознания.

– Ну, я пошел, Лёх, – сообщил Миха, – У меня тут еще дела есть.

– Бывай, – согласился я, и Миха испарился. А я продолжил прогулку по пляжу.

F60 Алексель

Материализовавшись в F60, я тут же оказался по щиколотку в рыжей, липкой, вонючей болотной грязи.

– Миха, ёклмн! Ты, что, предупредить не мог? – возмутился я, вытягивая ноги в сапогах на ближайшую кочку. Хорошо еще, сапоги были сделаны предусмотрительно до колен, да еще и, наплевав на аутентичность, – с резиновым нутром, чтоб не промокали. Я огляделся вокруг. Очевидно, был день. По крайней мере, я думаю, был день, но свет солнца был скрыт... рыжим, липким, вонючим болотным туманом, – Куда ты меня затащил???

– Да брось ты, Лех, придирайтесь! – откликнулся Миха, также вытягивая ноги из болота, – Не сахарный, не растаешь. Зря я, что ли, предупреждал – высокие непромокаемые сапоги! Или ты рассчитывал средневековое приключение, как какой-нибудь генерал, на вымытом мылом бетонном плацу получить? Ну, ошибся на пару метров, бывает. Вон, рядом относительно сухое место. То есть, тоже мокрое, но не по колено.

– Ну, все-таки мог и предупредить, – проворчал я, выбираясь на поросшую рыжеватым болотным мхом кочку и прыгая с нее на находящийся рядом, покрытый чахлой болотной растительностью островок. Меч за спиной больно стукнул по мягкому месту, а потом по лопатке. Напрягшись, я на-

шел в только что закачанных навыках умение правильно подвешивать меч в ножнах за спиной. Сделав несколько пробных шагов, я с удовольствием оценил результат. А что, жить можно. Повернувшись, спросил, – Ладно, куда идем?

– Да вон туда, – махнул Миха рукой, в стиле Ленина на броневике, куда-то вперед от островка опять же по кочкам, – Я ж тебе говорил, этот мир – только ворота в тот, потерянный. Как пройдем порог, сразу станет сухо, очень сухо. По сути, пустыня там, ну, или полупустыня.

– А чего это вдруг такой контраст? – поинтересовался я.

– Дык, врата как насос для воды работают, – пояснил Миха, также выбираясь на островок и направившись в направлении самого густого, липкого и вонючего тумана, – Из того мира качают и в этот выбрасывают. Вот и получается тут болото, а там пустоши. Давление воздуха тут немного разное, в том мире чуть выше. Чтобы воздух оттуда не утек, врата газы не пускают в больших количествах, а вот на капельки воды в воздухе не реагируют, вот и получается...

Тут непонятно откуда на него вывалился какой-то краб, а может, паук-переросток с кучей острых шипов, лезвий и прочей хитиновой фигни, к которой, судя по капающей с острых концов фосфоресцирующей зеленой жидкости, простым смертным явно лучше было не приближаться. Миха с каким-то душераздирающим восточным мявом перепрыгнул через него, выхватывая в воздухе меч, и рубанул членистоногое сзади, аккуратно развалив его на две поло-

винки.

– Круто, – заметил я после паузы, подобрав отвалившуюся до земли челюсть и глядя на еще судорожно шевелящийся пикантный салат из морепродуктов. Зеленая жидкость с лезвий и шипов теперь стекала внутрь панциря и шипела на обугливающимся под ее воздействием органическом материале внутри, – А они тут все членистоногие?

– Не-а, – откликнулся Миха, вытирая меч мхом от прозрачной жидкости, вытекавшей из краба, – Но через ворота пробираются в основном именно они. Тут целая система, где какие. В потерянном мире, рядом с пробоем, так вообще какие угодно могут быть. Пробой ведь это что? Место, где код визуализации оказался незащищенным, поэтому сетевые демоны могут до него добраться и визуализироваться в мире, по сути, материализовываться. Но, поскольку сетевые демоны не имеют кода для нормальных тел, а касаются визуализатора тем, что есть, на выходе может что угодно выйти, и скорее всего не что-то привычное. Там, мерцающая дышащая склизкая губка, размытое пятно в воздухе неправильной формы, вроде призрака, дымка какая причудливая разноцветная, какая-нибудь задница с ручкой на одной ноге, как на картинах Босха. Но все это жизнеспособно только в небольшой окрестности от пробоя, где код визуализации это поддерживает. Стоит такому псевдосуществу отдалиться от этой окрестности, и происходят две вещи. Во-первых, это, так сказать, «тело» теряет связь с породившим его де-

моном, поскольку вдали от пробоя алгоритмы визуализации уже управление от незаконного сетевого образования не позволяют. А во-вторых, если такое «тело» нежизнеспособно, оно тут же умирает. А жизнеспособное становится автономным, но с остатками демона в своей нервной ткани.

Поэтому по пустошам бегают исключительно «демоны» в достаточно жизнеспособных формах, напоминающих членистоногих, земноводных, ящеров, а то и млекопитающих. Хотя последние редко, очень уж сложная форма, так что и шансы случайно в ней воплотиться у демона невелики. Теперь, чем сложнее форма, тем больше у нее нервной ткани, на которой можно нести копию исходного демона. Вот и получается, что большая часть «демонов» в пустошах – это просто агрессивные, но тупые животные. Причем и те с причудами. Скажем, есть попрыгунчики-скарты. На самом деле они не прыгают, у демона, порождающего их, просто проблемы с фокусировкой пространственных координат. Так что они, как солнечный зайчик, возникают то тут, то там. А уж когда они из зоны пробоя выходят, такая ежесекундная телепортация на пару метров исчезает и превращается в способность постоянно прыгать в непредсказуемом направлении, как какому-то кролику-переростку.

Ну, а поскольку ворота в этот мир находятся там недалеко от пробоя, то в этот мир проваливаются только уже жизнеспособные твари, которые уже и не демоны по сути, а так, монстры. Причем ворота с той стороны выглядят не очень

привлекательно, так что проваливаются совсем уж безмозглые, вот и получается, что здесь, в основном, членистоногие бродят, у которых нервной ткани совсем мало и которые лезут куда попало. Хотя иной раз может и провалиться что-нибудь с остаточными приказами от первоначального сетевого демона. Бывает, но редко. Самое смешное, Лех, в том, что тут демонов куда больше, чем в пустошах на той стороне. Они ведь во врата случайно проваливаются. А здесь болото, тут шансы напороться на портал меньше, чем там, вот эти членистоногие и концентрируются здесь, как мухи в ловушке с уксусом. Знаешь, как если в бутылку налить уксуса с растительным маслом на дно, а горлышко закрыть пленкой и сделать в ней маленькую дырку. Мошки на запах уксуса летят к дырке и продираются через нее по запаху, а обратно выход найти не могут. Вот и тут так...

Тем временем островок закончился, и я запрыгал за Михай по кочкам.

– Слушай, ты точно знаешь, куда нам надо? – задал я беспokoящий меня вопрос.

– Не дрейфь, Лех, я по этой дороге как на автобус одно время ходил, особенно пока опыта не набрался. Каждую кочку тут знаю.

– Опыта?

– Ну да. У нас же там материальные тела, с которыми всякое случиться может. Это сейчас оно проецируется из Гайи под твоим контролем, а как переберемся через портал, его

перехватывают локальные узлы. Так что тело получается более-менее обычное. То есть, влиять ты на него еще можешь, но и всем внешним воздействиям оно подвержено. А заново тело там не создашь, координат нету. Бывало, укантропупит меня какое чудище, ну, создаешь тело заново и опять по кочкам, по кочкам прыгаешь...

– Больно, небось, тело терять?

– А что поделать? Мир-то надо чистить. Впрочем, теперь наловчился, редко случается. Уже недолго осталось. Сейчас главное – на рыцарей Порога не натолкнуться или там, Братство Стены, как они сами себя иногда называют.

– А это кто?

– Хорошие парни, эту мерзость в мир не пускают, всю жизнь на это кладут, – объяснил Миха, приближаясь потихоньку к выплывающему из тумана относительно сухому куску земли с конструкцией вроде Стоунхенджа недалеко от берега, – Вот только одна проблема в нашем случае. Мы – не они, и, увидев «гражданских» так близко от Порога, они тут же бросятся нас спасать, а эвакуироваться в безопасную область этого задрипанного мирка в мои планы никак не входит. И драться с ними тоже не хочется – парни-то хорошие и дело правильное делают. Впрочем, кажись, пронесло.

С этими словами Миха выскочил, наконец, на сухой участок и подошел к паре камней на границе Стоунхенджа, сверху прикрытых другим камнем и образующих своего рода дверь или ворота.

– ...!!!, – сказал я, проваливаясь опять по щиколотку, ровно на одну кочку не допрыгнув до сухого места, и вытягивая сапоги из болотной грязи, – Мих, а зачем со всем этим возиться? Не проще ли замуровать эти врата на фиг и забыть?

Миха, уже с сухого места, молча посмотрел, как я вылезая на островок, а затем сообщил:

– Так, я ж объяснял – тут люди. Как же их бросить? Кроме того, если врата замуровать, такой гнойник образуется, что потом только танец Шивы поможет. Опять же, прорвать может. А так все более-менее под контролем. Да, смертным в этом мире иногда несладко, зато в том мире за вратами у смертных шанс есть. Ладно, дошли уже. Вот они – врата. В эти войдем, а в те, с другой стороны, выйдем, и будем в пустошах. Давай поторопимся, пока опять какая дрянь на нас не выскочила.

И мы шагнули внутрь каменного кольца. Внешний мир за границами камней исчез, скрытый теперь уже белым и плотным туманом.

– Междумирье? – спросил я.

– Оно самое, – кивнул Миха и шагнул вперед под противоположную арку.

Я сделал шаг за ним...

Алексель, мир, забытый Афрой в комодe

Я сделал шаг за ним и оказался на сухой холмистой равнине, покрытой пожухлой, торчащей одинокими пучками летней травой и редкими колючими кустиками не выше колена высотой. Желто-бурые холмы справа медленно поднимались волнами к далеким заснеженным горам. Солнце шпарило с голубого, без единого облачка, неба, и над землей поднималось жаркое марево, как в какой-нибудь пустыне Мохаве. Ну, может, не Мохаве, может, в долине реки Колумбии где-нибудь в штате Вашингтон за горами. Прямо перед нами была старая заброшенная дорога, уходившая петлями между холмов вдаль, а сзади возвышался такой же «стоунхендж», как и в предыдущем мире.

– Ну, все, теперь проще, – сообщил Миха, топая ногами и пытаясь чуть стряхнуть рыжую грязь из F60 с сапог, – По дороге и идти веселее.

– Да и дорога посуше, – добавил я, задумчиво глядя на свои сапоги и размышляя, не стоит ли попытаться их оттереть чем.

– Это тут, рядом с воротами, а дальше климат становится получше, а дорога – обычной грунтовой, местами с грязью и лужами, если погода позволяет. Но все равно идти будет не в пример легче. А сапоги лучше оставь пока в покое, ско-

ро грязь высохнет и сама отвалится, а так только глубже ее вотрешь. Ну что, пошли?

– Пошли. А чего не телепортироваться?

– Смеешься? Вообще-то это возможно. Тела у нас полностью местные теперь, только назначение телепортации не абсолютное, а направление плюс расстояние. То есть, в деревню Большие Васюки не телепортироваться, поскольку координаты неизвестны – весь мир такой, потерянный. Зато можно телепортироваться по направлению руки на двадцать километров. Проблемы видишь?

– Увы, – согласился я, хотя и свербило что-то от таких ограничений, – Телепортироваться можно, но как оказаться не под землей или не в воздухе, шваркнувшись потом на землю, сказать трудно.

– Во-во, – откликнулся Миха, – А даже если и рискнуть и, хорошо постаравшись, можно на некоторое расстояние вперед рассмотреть, то все равно есть риск связь с телом потерять. После чего придется опять по кочкам. В общем, давай ножками, как гужевые ослы...

– А почему как ослы?

– Потому что, не умничая, – пояснил Миха, – Пошли?

И мы зашагали по дороге.

Алексель

Нагулявшись по пляжу, я вернулся в кабинку номер тринадцать, размышляя о том, чтобы поваляться кверху пузом, лежа на диване и размышляя о вечном. Увы, диван был занят, ибо мою мечту уже осуществил нахальный котяра. Занимая полдивана, Мартик лежал на нем светлым пузом вверх, раскинув лапы и чуть жмурясь во сне. Похоже, ему снилось, что он спит, и этот сон ему очень нравился.

Я вздохнул и пошел ставить чайник. Привык я уже здесь чай пить и к традиции этой нелепой, хотя можно было готовую чашку с чаем в любой момент из воздуха достать. А еще я привык, что первую чашку наливаю Але, заметил я и чисто из вредности так и сделал. Вот появится дома, а чай ждет и уже остыл! Вредность, впрочем, не удалась, стоило мне развернуться с полной чашкой, как вошла Аля, взглянула на меня сияющими глазами, одарила улыбкой грузоподъемностью в несколько тонн и, приняв чашку, уселась в кресло.

– Спасибо, Алёша, – сказала она, сопроводив слова благодарным взглядом еще тонны на полторы. Хорошо, я в свободных шортах, не очень заметно.

Помянув недобрым словом свою резонансную природу, я подошел ближе и положил руку на ее открытое плечо, скидывая избыточные узлы Гайи, которые я захватил ненароком, как человек, от неожиданности наглотавшийся воздуха.

Стало легче.

Я налил себе чая и уселся в соседнее кресло.

– Вот скажи ты мне, богиня любви, какого черта ты это со мной вытворяешь?

– Но это ж не я, Алёша, это ты сам такой резонансный, – почти жалобно ответила она, – Никто другой на меня так не реагирует, ни Миша, ни профессор...

– Ни Андрей... – добавил я ей в тон.

– Ни он тоже! – с нажимом подтвердила она, – Андрей Яковлевич ничего подобного не испытывает, его просто плохо воспитали, вот и лезет ко всем, на ком юбка. Дурное влияние супруги. Кстати, ты не мог бы не звать его домой? Если надо говорить по работе, есть лаборатория. Осадить я его, конечно, могу, но неприятно.

– Могу, – кивнул я, – А кто у него супруга?

– Тоже в некотором смысле любовью занимается, только очень специальной формой – супружескими изменами.

– А от них-то какая польза, чтобы ими заниматься?

– Для богов никакой, да и смертным в стабильных процветающих обществах тоже. Моногамные общества имеют очень много преимуществ – сохранение большего разнообразия генофонда, снижение риска вырождения, отсутствие маргинальных групп молодых мужчин, дестабилизирующих общество. Но в крайних случаях и правда может работать как компенсаторный механизм. Брак ведь для чего нужен? Чтобы каждая женщина могла завести и вырастить детей.

Все, точка. Именно для этого.

А теперь представь, война, мужчин подходящего возраста осталось в два раза меньше, чем женщин. Такое общество тут же смещается в сторону полигамии. Как раз для этого, чтобы по возможности каждая женщина могла завести и вырастить детей. Но если общество традиционно моногамно, то сначала смещение происходит в форме измен со стабильными любовницами. Если половой состав общества не изменится, как бывает в мелких, вечно воюющих странах, то рано или поздно это отразится в общественной морали и закончится классическим полигамным браком, как в странах Востока, если нет, пройдет как исторический эпизод трудного времени.

Или, скажем, Средние Века, мужчины состоятельных классов купцов, банкиров, многих феодалов женятся поздно, на молоденьких, само собой. Сделать детей уже не могут. Здоровых детей – тем более. А ведь цель брака в чем? Чтобы каждая женщина могла родить и вырастить детей. Вот и приходят на помощь здоровые конюхи и поручики, чтобы выправить ситуацию, вызванную убожеством общественного устройства.

Но ведь с такими теориями очень важно вовремя остановиться, а все эти теоретики, как правило, этого не умеют. Вот и возникают теории, что, мол, небольшой уровень измен снижает распространение венерических болезней, включая смертельные. Чушь какая!

Алю было не узнать: всегда сдержанная и аккуратная в словах, она теперь размахивала руками, её роскошные длинные волосы взлетали то вправо, то влево, и даже чашка, за которую она обычно держалась в разговорах, осталась забытой на столике.

– Да, я слышал что-то такое, – кивнул я, – Дескать, пока измены на умеренном, но не очень низком уровне, они происходят локально – с коллегами, соседями, так что граф измен имеет низкую связность и болезням трудно охватить все общество. Просто трудно перескочить от одной небольшой взаимозараженной группы к другой. А если уровень измен низкий, то те, кто изменяют, изменяют со всеми и становятся разносчиками заболеваний, покрывающих все общество.

– Вот именно, что не все! – воскликнула Аля, – Врут и не краснеют! Да, измены становятся неизмеримо более опасными, но ни одна пара, не участвующая в изменах, не затрагивается. И если их большинство, то о каком «всем обществе» разговор? Они что, тех, кто не изменяет, за людей не считают? А что измены более опасны, так это только крепче цементирует в культуре идею сохранения верности в браке.

– Да, – хмыкнул я, – Тоже верно. А что с добрачными связями?

– А что с ними? – удивилась Аля, – Во-первых, в добрачных связях речь об измене не идет. Во-вторых, даже парни традиционно брезгуют девушками, которые слишком охот-

но кому попало дают. Тоже защита от того самого распространения болезней. А если собрать статистику по странам, то оказывается, что большинство девушек, имевших секс до брака, имели его с собственным будущим мужем. Это просто тех вертихвосток, которые сменили несколько парней, лучше видно, но их меньшинство. Конечно, в низших классах благополучных обществ, а в особо жирные времена и в остальных картина меняется в худшую сторону. И в смысле бездумного секса, и идей, что семья не нужна, и всякие выверты вроде однополых браков, хотя какое отношение два мужика могут иметь к возможности женщины иметь детей – непонятно. Некоторые считают, что это такое приспособление группового выживания, когда в хорошие времена популяция чистится от слишком глупых или произошедших от неперспективных линий, а потому не получивших хорошего воспитания. Жестоко, конечно, но, может, в этом что-то и есть. Извини, Алёша, что-то я разошлась.

– Да нет, все по делу, – успокоил я ее, – Слушай, а можно тему переменить? Я тут с Михой в потерянный мир отправился, а его вроде бы как раз твоя научная руководительница потеряла. Не просветишь, что насчет него известно?

– Конечно, Алёша, известно как раз многое, – ответила Аля. Она уже опять сидела на краешке кресла с прямой спиной и держала в руках чашку с блюдцем, – Это бывший F66, то есть был таковым, пока Арфа его из соответствующего гнезда матрицы миров не вынула.

– Погоди, они ж огромные... да еще стальными полосами окантованные.

– Это ведь только визуализация, Алёша, – пояснила Аля, – В любой момент можно ужать до размера яблока или, там, ореха, потом развернуть обратно, сам мир от этого не меняется.

Мартик тем временем проснулся, сменил позу и, сладко зевая и жмурясь, начал к нам прислушиваться.

– Ну, хорошо, – согласился я, – А чем этот бывший F66 характерен?

– Просто один из миров 60-й серии. Постапокалиптическое феодальное общество с магией и минимумом науки, типа колеса или мельницы на реке. Немного отличающийся состав рас, богов, стран, видать, демиург немного развлекался, опять же, чтобы отличить друг от друга было легче. У них ведь, у демиургов, как? Скопируешь мир, и все, тут же пишут, что «выдохся, не внес нового слова в науку созидания миров». Миры вполне обычные. Практически все только с одним настоящим материком, остальные, если и есть, – в основном, бутафория. Типа «здесь живут драконы-фиолетовые орки-люди с собачьими головами». В центре основного материка – зона поражения, обычно в результате древней войны магов, с несколькими странами по ее периметру. Иногда с какими мелкими княжествами или, там, степями с кочевниками. Сам 60-й соединен как раз с 66-м, а поскольку вода вытягивается из 66-го в 60-й, то в первом зона пораже-

ния – полупустыня, а во втором – болота. Правда, 60-й самый старый, так что там еще несколько врат в другие миры той же серии, а не только в болотах.

– Понятно, а что в остальных?

– Да все то же самое, молодой человек, – неожиданно вмешался с ленцой Мартик, начиная одну из своих лекций, – Все то же самое.

В 61-м зона огромная, на весь материк, с одним анклавом в центре наподобие священного леса в 66-м, только поддержанная людьми и вырождающимися потомками древних магов. Плюс еще с остатками государств у берегов и на островах. Там, видите ли-с, своего рода самоподдерживающаяся эколого-магическая катастрофа имеет место быть. Боевые роботы-демоны своим магическим «выхлопом» травят все вокруг настолько, что она продолжает разрастаться, а у них приказ – выжимать живых с зараженной территории, вот и выросла такой большой.

В 62-м зеленая долина, окруженная горами. Просто окружена полосой с большим количеством демонов и магических ловушек. Там в центре один из героев устроился, строит свое княжество с двумя женами. Еще на пару поглядывает, но жены не дают. Развлекается тем, что местным богам морды бьет. Так что имейте в виду, молодой человек, лучше туда не суйтесь. Вам-то он ничего не сделает-с, но ведь прибьете ненароком, а кадр перспективный.

В 63-м непроходимый скальный массив, а в остальном

то же самое. В центре этих гор тоже один из героев баронство строит, тоже с двумя женами, только вместо того, чтобы местным богам морды бить, решил сам таковым заделаться.

В 64-м пустыня большая, скорее, степь, но ловушки уже, в основном, все размагнитились, а пустыня заселена кочевниками и, если бы не они, была бы пригодна к заселению и озеленению.

65-й – полупустыня с животными-мутантами, как и в том, в который вы идете, только без священного леса, и рас-народов чуть поменьше.

Гнездо 66-го так и осталось пустым. Ваши коллеги, молодой человек, все надеются его найти и на место вернуть. Хотя, вряд ли-с, – добавил кот задумчиво, – Если его сама Арфа куда-то засунула, то очень маловероятно. Вы в курсе, что один из таежных народов ее Великой Мамой Белкой величает? И прятать она умеет не только орехи. Да-с.

Итак, 66-й, ведь именно он вас сейчас интересуется в первую очередь? В 66-м тоже полупустыня с животными-мутантами и редкими остатками бывших строений и артефактов, включая иногда еще функциональные боевые системы. В центре защищенный анклав из Священного Леса одного местного народа плюс несколько деревень вокруг. Именно туда Вы с Михаэлем и направляетесь. Через пустыню течет большая река и впадает в море. Напоминает реку Колумбию, да и пейзажи вокруг в чем-то похожие. С двух остальных сторон окружена большой человеческой импери-

ей, названной в честь первого императора Аларика и появившейся как результат интересного эксперимента «Печать Каина». С другой стороны горы, за горами страна поменьше в восточном стиле – жара, торговля, рабовладение, грабеж на суше и на море плюс абсолютная монархия. На противоположном конце от моря, между империей и горами, – мелкие княжества. В общем, ничего интересного. Локальный пантеон тщательно почищен от бездельников и дармоедов, так что можно на них полагаться при необходимости. В меру их возможностей, само собой.

67-й – почти копия 65-го, но с другим составом богов. Пара Ваших коллег, включая, между прочим, Йогиту, уже намекали демиургу, что ему там давно пора почистить пантеон, но он пока отбрехивается тем, что ставит научный эксперимент – может ли выжить мир с эгоистичными, глупыми и безответственными богами. Того гляди форматировать мир придется. Да-с, думаю, Ваши коллеги еще немного подождут и сообщат ему, что бывает с безответственными демиургами.

68-й с княжеством, закрытым опасным магическим туманом, и здоровой дырой в 69-ый. Они там так и живут на два мира. Вот вроде и все, молодой человек, – закончил Мартик и, повернувшись к Але, спросил, – Мяс?

– Потом налью, Мартик! Не сейчас, – строго ответила она. Котяра обиженно развернулся спиной и сделал вид, что заснул.

– Да уж, – вернулся я к теме, – А чего так много их, этих постапокалиптических?

– В основном для выходцев из бывшего Союза, – пояснила Аля, – Для правильного воздействия ведь реализм нужен, а они в реальности как раз и живут в постапокалиптическом мире.

Алексель, мир, забытый Афрой в комодe

– Еще миля-другая, и будет деревушка с постоянным двором и трактиром. Там и отдохнем, – сообщил мне Миха, – Если б дорога не петляла – уже видели бы.

Жара немного спала, и дорога действительно стала значительно более обжитой, с глубокой колеёй от тележных колес, зеленой обочиной и натуральной влажной сельской грязью, несмотря на жару. Вокруг дороги то там, то сям стали появляться деревья, а то и целые рощи, постепенно встречаясь все чаще и разрастаясь все больше.

– Хорошо, – сказал я, – Как в былые времена, когда за горохом на колхозное поле ходили...

– Неплохо, – согласился Миха.

– Слушай, а это все те самые пустоши? Не похоже как-то. Вон рощи там-сям, как в Италии, травка зеленая, лужи на дороге...

– Пустоши, пустоши. Это так, островок жизни посреди них.

– А откуда он взялся?

– Ну, тут есть лес выживший, вокруг него и располагается живой пятючок.

– А лес-то как выжил?

– Ну, экология, понимаешь. Лес у себя влагу сохраняет,

и живое из него в стороны расплзается. Насколько может.

– Лес, говоришь? Ну-ну...

– И вовсе не ну-ну, – обиделся Миха, – Хотя в чем-то ты прав. Этот пяточок жизни еще благодаря мне сохранился. Я тут по местному времени не один десяток лет живу, демонов подчищаю. Кроме того, если кто из нас в виртуальном мире живет, он просто своим присутствием жизни добавляет.

– Это как? – удивился я.

– Да вот так, – усмехнулся Миха, – Алгоритмы виртуальных миров экономные, моделируют настолько, насколько необходимо. Если где живых вообще не осталось, остается только основная недетализированная схема: он пошел, она сказала, они подрались. Как в Голливуде. Появляется в окрестности реинкарнированный, тут же все эти схемы и скелеты дорастиваются до уровня восприятия этого смертного. Появляются одежда, выражения лиц, интонации. А мыто еще сложнее, и восприятие у нас глубже. Так что стоит нам где появиться, сразу же начинаются волшебные рассветы-закаты, земляника с одуряющим запахом, утренняя роса, блестящая, как драгоценные камни. Посидишь в пустыне, и, глянь, вокруг оазис, жизнь, пальмы листьями колышут, разноцветные птички поют, и неизвестно откуда родник пробился и озеро наполняет. Одна из причин, почему я тут так основательно обосновался. Я ведь не только демонов бью, я еще этому миру как якорь в реальности. Не позволяю ему в полный сюрреализм и кубизм уйти. Тогда тут точно спа-

сать некого было бы.

– А почему сюрреализм и кубизм? Вроде не очень совместимые линии в искусстве.

– А просто, в зависимости от того, какие алгоритмы первыми отключатся. Если детали, все станет как схема, чертеж без деталей – вот тебе и кубизм. А если первыми структурные алгоритмы развалятся, то детали все залиют бестолковыми переливами цветов, запахов, форм, как на картинах Дали. Вот тебе и сюр. Помнишь рассуждения, что людские боги – это, как правило, их собственное отражение в мироздании?

– Помню.

– А что будет, когда мироздание отражает бога? Настоящего. Ну, или хотя бы виртуальный мир?

– Оно становится богом?

– Не так быстро, – улыбнулся Миха, – Оно становится живым.

– Но ведь отражение бога – это бог, верно?

– Верно, но есть детали. Отражение не идентично оригиналу, и каким оно будет, зависит от зеркала. Обычное зеркало – оптическое. Смотришь в него и всего лишь видишь самого себя вывернутым справа налево. Да и то, какой стороной повернешься, может, лицо, а может, и задницу. В мирах бог отражается как жизнь. Если есть бог, как правило, есть и жизнь, причем, как правило, разумная. А если есть разумная жизнь – есть и бог, хотя бы как отражение этой жизни. Кстати, имей в виду, что в результате даже случай-

но брошенное богом слово может материализоваться. Даже шутка. Особенно неумные шутки это любят делать. Так что поосторожнее. А теперь вопрос на засыпку, что, если бог отражается в разумном существе?

– Дай догадаюсь... – продолжил я, поняв смысл сделанной паузы, – Если бог отражается в разумном существе, то все должно зависеть от того, насколько велико и разумно это существо. Как с зеркалом. Если на нем что-то нарисовано, то видишь, в основном, этот узор, а свое отражение – лишь туманно, сквозь него. А если оно пусто, как чистое зеркало, то самого себя. Правильно? То есть, если бог встречается со смертным достаточно тесно, то смертный становится своего рода богом?

– Ну... почти, – согласился Миха, – но позитивный эффект есть всегда, а степень зависит от силы связи. Скажешь, останавливаешься на постоялом дворе и обращаешь внимание на дворовую девку. Нет, не в том смысле. Никакого секса или даже просто желания. Просто обращаешь внимание, грустно смотришь на это человеческое вроде бы существо со смесью сострадания и отвращения. Помятую, побитую жизнью, голодную, в уголках глаз гной, как у помоечного котенка. Скажешь ей слово-другое, бросишь монетку, взглянешь ободряющим взглядом, и глядишь – у нее неизвестно откуда уже появляется какое-то чувство достоинства, внутренняя сила жить. Через год проезжаешь мимо, она уже всем постоялым двором заправляет. А уж если постоянную жен-

щину в мире каком найдешь...

– Погоди, – вмешался я, – Ведь отражение меня – это я сам, нет? Так что, она мной станет?

– Нет, конечно, – ответил Миха, – Я ж говорю, зависит от зеркала. В дружбе отражаешься, как друзья, в любви ты отражаешься, как твоя парная богиня. Так что, если ты постоянную женщину из смертных найдешь, понимаешь, что будет? Тебя много, ее мало, она перед тобой, как чистое зеркало почти, и отражается в нем – она, твоя парная богиня. Поскольку, если любит тебя, то старается понравиться, а кто тебе нравится? То-то и оно! В сети это означает, что душа твоей избранницы вливается в твою парную богиню, и они после этого одно. Если и правда какая Элиза Дулиттл, то практически ничего от нее и не останется, растворится почти без осадка, а если что хорошее было, то сохранится, станет частью богини. Ну, или вырастет до богини, это уж как посмотреть. Это, конечно, при условии любви, тесной глубокой связи. Без нее, конечно, ничего нигде отражаться не будет, так что если просто дворовую девку поимел, в крайнем случае, в твоём теле ее триппер отразится. А если действительно взаимная любовь, то да, все именно так. Собственно, это даже у смертных происходит. Слышал, что люди могут разводиться, а потом обратно жениться или выходить замуж, и очень часто все их последующие супруги удивительно похожи на тех, первых? И фигура похожа, и платья похожие выбирает, и волосы так же укладывает... Вот именно пото-

му. Пожив вместе, люди становятся отражением друг друга, а потом ищут отражения себя. А у богов со смертными все еще сильнее, куда ни глянь – везде она. Причем сначала мерещится, а потом на самом деле оказывается. Думаешь, чего Гита такая неревнивая?

– Слушай, а это прилично, без разрешения в свою богиню превращать? Все-таки человек, личность независимая...

– Так ведь по любви, – пожал плечами Миха, – Да и не ты ее превращаешь. Что человек, что бог – зеркало активное. Это не ты ее заполняешь собой, это она тебя по капле в себя впитывает. Ну, и ты ее тоже, взаимно. У смертных же то же самое. Рождается ребенок и впитывает в себя сначала родителей, потом друзей, учителей в школе, профессоров в университете, потом жену или мужа, коллег, своих собственных детей, внуков. Вся жизнь человеческая – это дополнение своей души кусочками чужих душ, ну, и изредка создание чего-то своего, которое другие тут же заимствуют. А в паре бог-смертный получается то же, что с родителем и ребенком. Тебе мало впитывать, так что все равно в основном собой останешься, а ей – много. Сам посуди, богиня – это сотни тысяч лет, как минимум. Возраст Гайи, Гора и Сета с Нефридой вообще с возрастом планеты сравнимы, а уж Изиды – так вообще старше самого времени, из другой вселенной. А душе смертного, в лучшем случае, – пара тысяч лет с учетом реинкарнаций, а из-за взрывного роста населения Земли вообще большинство смертных душ – новодел,

десятки лет. Кстати, с опытом младшего бога то же самое происходит. Ведь десятки лет жизни среди смертных несут не очень большой опыт по сравнению с тем, что бог уже накопил. Так что, что от младшего бога, что от смертных, точно так же, все хорошее вливается и сохраняется, но одного много, другого мало. Вот и растворяются смертные в богах, как ложка сахара в самоваре чая. Зато вкус остается и вечная жизнь.

– Есть еще поговорка про ложку дегтя и бочку меда...

– А такую ты просто не полюбишь. Да и у нее в тебя влюбиться не выйдет, ей этот самый деготь мешать будет, отталкиваться от тебя.

– Постой, – смутился я, – Если все так, как ты говоришь, значит ли это, что моя смертная жена является и моей парной богиней?

– Ну, это уж тебе судить, какая там у вас любовь, и есть ли такая, – опять пожал плечами Миха, – Может, да, может, нет. Но, может, и да.

– А если б я, не зная этого, зазнался и бросил ее?

– Смеешься? – фыркнул Миха, – Невозможное невозможно. Какой бы ты тогда был бог, если бы бросал тех, кто тебя любит?

Разговор прервался изменением пейзажа вокруг. Вдалеке впереди появился идущий навстречу одинокий путник. Вначале мы не обратили на него внимания. Ну идет, и идет себе, нам не мешает. А мы ему. Это я так думал. Навстречу шел

молодой паренек, лет двадцать, может, даже меньше. Бело-брысый, неплохого роста, подтянутый, в хорошей физической форме, два меча из-за спины торчат, одет... средневеково. Ну, не спец я, как в средние века хорошо одевались, а как бедно, но одежда вся плотная, недраная, даже не очень запыленная. Вот только взгляд какой-то... не то загнанный, не то испуганный. Уставился он на нас, проходящих мимо, аж голову в плечи втянул от ожидания чего не того.

Ну, прошли мы, ничего не случилось. Я от удивления даже обернулся посмотреть, что он дальше делает, и натолкнулся на полный страха и ненависти взгляд. Не надо было мне оборачиваться. Как-то не так он истолковал это. Хотя, а как не оборачиваться на такого? Ведь возьмет да звезданет чем-нибудь сзади по затылку. Что, собственно, в результате и получилось. В общем, взвизгнул он как-то по-особенному, подпрыгнул в воздухе и швырнул в нас какую-то магическую дрянь.

Ускорив сознание, я с интересом стал разбираться, что же это такое к нам приближалось со скоростью брошенного камня. В центре был какой-то носитель, в основном, нужный для того, чтобы эту штуку можно было бросить. С таким же успехом он мог все это накрутить на какой-нибудь кусок кварца, но он взамен сделал виртуальный камешек – очень похожий на тот же кварц, который и швырнул с силой в нашу сторону. Но сам по себе камешек был бы неинтересен – с таким же успехом он мог швырнуть подобранный с доро-

ги. Интересно было то, что на камешек была нанесена программа, которая заставляла визуализирующие узлы ионизировать воздух в окрестности камешка, электроны вниз, положительные ионы газов – вверх. В результате по траектории камешка образовывалось подобие грозовой тучи с отрицательным зарядом внизу и положительным вверху. Посередине при этом оставалась прослойка нейтрального изолирующего воздуха, а сама траектория становилась в чем-то подобной каналу грозового разряда, где отрицательный заряд электронов в подбрюшье мог свободно перетекать в любое место в поисках громоотвода, по которому можно разрядиться в землю.

Очевидно, в норме он разряжался через цель, то есть того, в которого бросали это заклинание, а в крайнем случае, уходил далеко вперед и в землю. Вот только сейчас с этим были две проблемы. Достигнув нас, эта штука развеялась, так что канал не уходил далеко, нигде не заземлялся, а просто связывал паренька и нас. А кроме того, в наших сапогах была резиновая прослойка, так что громоотвод из нас с Михой был никакой, а вот сам паренек, стоящий в растоптанных кожаных сапогах посреди мелкой дорожной лужи... Короче, электроны нашли свой громоотвод. Раздался треск разряда, в воздухе запахло озоном.

Похоже, Миха тоже внимательно следил за событиями, так что, обменявшись со мной взглядом «ну, идиот!», он подошел к еще слегка дымящемуся пареньку, лежащему

на земле, и попытался привести его в чувство.

– По крайней мере, жив, – радостно сообщил Миха после пары минут безуспешных попыток и начал поднимать его с земли, заводя бессильно болтающуюся руку за свое плечо, – А ведь придется до деревни тащить придурка. Ты не понял, чего это он?

– Да он какой-то взведенный весь был, как будто боялся кого, – ответил я, – А когда я обернулся, видать, решил, что на него нападать собрались... Тоже мне, Неуловимый Джо. А чего тащить-то? Сам очнется.

– Нельзя его здесь оставлять – съедят! Это мы почти никого не видели, а на неподвижного человека местные твари за несколько часов обязательно выходят.

– Ну, так, хотя бы давай телепортируем его прямо в трактир, чего тащить-то? Вроде расстояние небольшое, ясно куда, а душа у него к телу привязана, не потеряется.

– Лех, ты извини, но не могу я тут способностями светить. Тут меня многие знают как охотника на демонов, своего парня, друзья у меня тут, девушка даже. Собственно, уже не девушка, но от того только дороже. А если вдруг выяснится, что я могу одним мизинцем многие проблемы решать, боюсь, придется все заново начинать. Да и тебя попросил бы слишком не выпедриваться, поскольку, если у меня такие друзья найдутся, то мне это тоже все сильно напортит. Нет, справлюсь, но все-таки... Так что, не в службу, а в дружбу, будь поскромнее, не создавай мне проблем, хорошо? Давай,

подхватывай за вторую руку.

Я вздохнул, подхватил паренька под вторую руку, и мы потащили его к деревне. Его мешок, закинутый в сухие кусты на стороне дороги, мы просто оставили как есть. Придет в себя – сам заберет, и так тяжелый, зараза. И ведь шли, не трогали. Чего ему не хватало, придурку?

Дырт, мир, забытый Афрой в комод

Белобрысый паренек с длинным лицом лет двадцати вышел из ворот деревни и быстрым шагом пошел по дороге. Кажись, потеряла меня, – подумал Дырт про себя, – В деревне удалось переночевать, и ничего не случилось. Да и как эта зверюка могла догадаться, что он от нее прямым ходом в пустоши рванул, в самое пекло? Это ж надо полным идиотом быть, чтоб в пустоши, полные демонов, рвануть вместо комфортной Империи или еще какого цивилизованного места.

На мгновение Дырт задумался, что же он такое только что подумал и что будет, если зверюка сочтет его достаточным идиотом? А, ладно, будь что будет, – махнул он мысленно рукой. Судя по всему, она его где-то в другом месте ищет. А то точно бы поймала бы в деревне. Не зря он всю ночь трясся. Поселение крошечное, путники все видны, была бы она тут, быть бы ему упакованным и доставленным обратно. А значит, потеряла. Теперь только бы ни она, ни Тайная Стража не додумались бы на него охотников за головами спустить.

Вдали, из-за поворота вокруг холма, показалось двое путников, идущих ему навстречу. Издали было не разглядеть, но было в них что-то неправильное, настораживающее. Когда они приблизились на сотни две шагов, Дырт понял, что. Путники шли налегке, как будто готовились к драке. Кто ж по пустошам хотя бы без мешка с припасами шастает, ес-

ли только не нужно держать руки свободными? Да и тогда на лошади или, там, ослике нагружено должно быть. А эти шли, как на прогулке. Видать, оставили поклажу за холмом, готовясь к встрече.

Дырт поёжился, поправив висящий за спиной мешок, и сменил держащую его руку на левую. Так быстрее удастся вытащить меч, отбрасывая мешок в сторону. Он, конечно, двумя мечами сражается, но правая рука все-таки более тренированная. А если удастся атаковать магически, то, может, и меч вытаскивать не придется... Хватит, размечтался, обрвал себя парень.

Он продолжал идти навстречу, внимательно разглядывал путников. Оба в высоких, замазанных высохшей грязью сапогах. Явно пришли издалека, где тут в пустошах грязь найти? Вон, разве что редкие лужи после дождика, да и то курице попить нечего, а тут они явно по колено в болото проваливались. В остальном одеты как обычно, легкая кожаная куртка, под ней рубаха из тонкого мягкого сукна, заправленная в кожаные широкие штаны, придерживаемые поясами. Кажись, благородные, уже больно одёжа добротная и удобная на вид. Да за одну рубаху из такого тонкого и выкрашенного в такой чистый цвет сукна в столице не один золотой могли содрать. Чего от них можно ожидать? Один – верзила с двумя ручками мечей, торчащими из-за спины, у второго был только один меч, да и ростом он был поменьше. Хотя если он и представлял меньшую угрозу, чем первый, то

не слишком меньшую. Ауры у них какие-то...

Путники бросили на него внимательные взгляды и, занятые разговором, пошли дальше. Неужто не охотники? – Удивился Дырт. Не, не может быть, не бывает тут путников без поклажи, разве что разбойники ограбят, а этих попробуй ограбь! Кося глазом, Дырт увидел, как тот, что поменьше, развернулся и смотрит в его сторону. Ага! Обмануть решились? Мгновенным собранным движением он развернулся, отбрасывая мешок, и пустил в противников молнию. Как в замедленном кино, он успел увидеть задумчиво-удивленные глаза своих врагов, спокойно глядящих на летящую в них смерть. Затем молния достигла их и, отразившись, полетела обратно... «Маги!» – успел подумать Дырт, прежде чем электрический разряд достиг его лба и погрузил сознание в темноту.

Алексель, мир, забытый Афрой в комодe

Наконец, мы добрались и до деревни. Даже не деревня, а целое городище. Частокол вокруг, полсотни с небольшим дворов, рубленая из бревен резиденция не то старосты, не то вождя на вершине холма, ворота, стражник, с лицом кретина и копьем, у ворот. Интересно, что он должен делать с этим копьем, если и правда какой недруг появится?

– Куда идете? – задал стражник свой неоригинальный вопрос.

– Денежку в вашем трактире оставить, – ответил Миха, – А заодно, вон, путнику на дороге плохо стало, тащим, чтоб в себя привести.

– А-а, трактир, он вон тама, недалеко, – махнул рукой стражник, пропуская нас в поселение. Очевидно, оно еще не выросло до размеров, когда за въезд можно было брать пошлину. Потом страж порядка пригляделся, – А ты часом не Мика, которого кто охотником, кто святым кличет?

– Ну, Мика я, Мика, – согласился Миха, пожимая плечами.

– А, хорошо! Мы год назад встречались, когда ты сюда приходил большого демона ловить. Народ тут тебя до сих пор помнит. А трактир, он тама, недалеко... – ответил служивый.

Тама и правда было недалеко. Собственно, в этой деревушке все было недалеко. Мы нашли трактир, уложили свой груз на лавку приходить в себя, а сами тем временем устроились, насколько это было возможно, с удобствами за грубым деревянным столом, на который служанка тут же притащила по нашему заказу пару деревянных кружек из плотно сбитых друг с другом дощечек, глиняный кувшин с красным вином и всякую мелочь вроде оливок и овечьего сыра с сушеными фруктами.

– Смотри-ка, дикость дикостью, а вино на сангрию смахивает, некрепкое, сладкое, легкое, – удивился я, попробовав рубиновую прозрачную жидкость.

– По такой жаре оно и к лучшему, – меланхолично согласился Миха, поглядывая на нашу находку. Парень продолжал лежать на лавке и упорно изображал из себя дрова, явно не намереваясь приходить в себя.

– Слушай, а ты вот чего мне объясни, – сменил тему я, – Раньше я когда магию в виртуальных мирах видел, это обычно был или хак, или специально предусмотренная возможность. А здесь-то как это вышло? Ведь явно просто усилием воли он эту штуку создал.

– А хрен его знает, как, – пожал плечами Миха, – Без адреса мира и не разобраться, откуда что взялось. Можно попробовать в сетевом зрении взглянуть, но вряд ли что толковое увидим.

Тут Миха уставился в сторону нашей находки отстра-

ненным проникающим взглядом, и я тоже решил взглянуть на парня в сетевой реальности. Так, начнем разбираться... Вот это облачко – узлы визуализации, рисующие его тело с аурой, вот в него входят команды от другого облачка, которое моделирует тело и его положение, в него, в свою очередь, входит несколько других сигналов. Вот большой пучок нитей идет от внешних факторов – направления и силы гравитации, состояния атмосферы, ветра, осадков и прочее. А вот другая группа нитей, идет от такого голубого облачка с красной пометкой, которое, очевидно, содержит душу паренька. Интересно, так вот что, наверное, происходит!

– Мих, так если душа – один из входов модели, то, скорее всего, это и есть управляющий канал. Остальные-то сигналы вообще понятия не имеют, что нужно. Они только внешние условия и физические законы задают. А что тело человека – это только из души узнают, больше неоткуда. Теперь смотри, он натренировался загонять свою душу в состояние, которое, в свою очередь, заставляет узлы моделирования создавать что-то в пределах ауры – то есть той части реальности, которую его узлы визуализации рисуют. То есть тоже как, но такой... продвинутый. Попросту, он верит, что он не просто человек, а человек с огненным шаром или, там, молнией в руке, а узлы моделирования послушно берут под козырек и срочно исправляют модель, чтоб в руке этот огненный шар был. Ну, а уж узлам визуализации вообще по фигу, что показывать. Вот и получается огненный шар в руке, а потом, как

он там нарисовался и вышел за пределы ауры, тут уж независимые узлы визуализации берут его на себя, и получается вполне материальный для местных жителей объект, который летит, куда кинули. А заклинание на объекте – это остаточная связь с его собственной душой, которая теперь повторяет тот же трюк уже вокруг этого созданного камня. Потому и расстояние ограниченное – связь теряется.

– Да, похоже на то, – кивнул Миха, уже тоже налив и попробовав вина, – Самородок, блин... Хотя, подозреваю, тут большая часть магов так и работает, а не только этот Кулибин. Когда он очухается?

Словно услышав его слова, паренек застонал и открыл глаза. Мы подняли его, усадили за стол, и Миха стал поить его вином из кружки. По-моему, он втихаря чего-то намухлевал с вином, так что наша находка уже через минуту открыла глаза и вполне бодро, как и прежде, подозрительно уставилась на нас.

– Все равно не дамся этой зверюке, и не надейтесь! – заявил он.

– Какой еще зверюке? – удивился я.

– Машке! Зверюка еще та, и не притворяйтесь, что вы не от нее.

– Ладно, придурок, потом о своей Маше расскажешь, – прервал его Миха, – Лучше скажи, чего ты стал кидаться в нас всякой дрянью?

– Она не моя! – возмутился паренек, – Век бы ее не видел,

зверюку хищную.

– И правда, говорил бы ты по-нормальному, – вмешался я, с удовольствием отгрызая по крошке от кусочка солёного овечьего сыра. Очень уж хорошо он к легкому сладкому вину шел, – Шли мы, никого не трогали, вдруг ты в нас чего-то кидаешь. Знаешь, нам обоим хочется сильно на тебя обидеться. Так что лучше объяснись. Как тебя, кстати, зовут, чудо в перышках?

– Дырт, – мрачно буркнул он, – Вообще-то мое родовое имя д'Эртанин, но простой люд это даже выговорить не может, так что по-простому Дырт, я уже и сам привык. А кидался, потому что вы хотели меня поймать и отвести к ней! Я так думал. И все равно не затащите!

– Еще чего, тащить тебя куда-то. Мы и так тебя до деревни тащили, хоть бы спасибо сказал, скотина! – хмыкнул Миха, явно еще злой на парня, – Мы тут решаем, тебе сразу пинок под зад дать или сначала морду начистить за невежливое поведение. Так ты что, придурок, от девки бегаешь? Жениться не хочешь и из-за этого в честных людей молниями кидаешься?

– Если бы жениться, – понуро ответил Дырт, – Замучить она меня хочет, злобная она и хитрая, смотрит на меня как на добычу. И прямо так и говорит, я, мол, тебя долго мучать буду. И не забывай, говорит, ты – моя собственность. Добыча.

– Надо ж, как откровенно, – удивился я, – Обычно жен-

щины в этом не сознаются. Думают – да, желают – еще как, делают – если получится, а вот так прямо и сообщать...

– Да какая женщина! – взвился Дырт, – Тигра она, тигра! Зверюка жестокая, коварная, век бы ее не видеть.

– Не понял, – ответил я, – Какая такая тигра? Она что, животное? А как она тогда говорит?

– Да нет, выглядят они, как женщины, – пустился в объяснения Дырт, – И вообще, на вид женщины как женщины, только красивые до ужаса. Их какой-то древний маг создал, добавил женщинам свойств от тигров. Так что, они во всем как женщины, а по сути звери.

– Да, хорошие женщины – они такие, – уже куда более благосклонно и почти мечтательно сообщил Миха, отпивая из своего бокала, – Помнится, была у меня одна, ох, хороша была в постели...

– Да, не женщина она, тигра! – почти взвыл Дырт, перебивая Миху.

– Так в чем разница-то? – спросил я.

– Клыки у нее, как у хищника. Как улыбнется, хоть штаны меняй.

– Так тебе что, прикус не нравится? Да, это проблема. Сам с детства мучаюсь, – добавил я, приподняв губу справа и продемонстрировав клык, раза в полтора больший, чем нормальный.

Дырт дернулся и с испугом спросил:

– Так ты тоже из них?

– Не-а. Просто, видать, у мамы в молоке кальция было много... – ответил я.

– Чо?

– Не из них я, насколько сам знаю, – пояснил я, – Так что тебе в ней не нравится? По-серьезному. Дура, что ли?

Миха тем временем подозвал служанку и потребовал еще кувшин вина.

– Не, не дура, очень умная, красивая и коварная, – ответил Дырт, – Вы что, и правда не знаете? Их маг древний сделал. Сильные, умные. Влюбленных в них привязывают настолько, что те любые их желания готовы выполнять.

– Как и все женщины, разве не так? – пожал плечами я.

– Не так! – заявил Дырт, уже самостоятельно доливая себе в кружку из принесенного кувшина, – Они влюбленных в них почти в рабов превращают!

– Этот мастер самоделкин себе не столько охрану, сколько совершенный гарем делал для себя любимого, – вставил Миха, – Вот и перестарался. Привыкание слишком сильное вышло. Кокаин отдыхает. К тому же, если такая полюбит, найти замену и правда нереально. – «По крайней мере, для смертных», – добавил он мысленно.

Дырт покосился на него, явно удивленный, откуда у того такие сведения, и продолжил гнуть свою линию:

– Вот видишь! Твой друг понимает. Разве можно с такими иметь дело? Ты хотел бы стать рабом?

– Так в чем дело? Не хочешь – не становись, – удивился я.

– Ты не понимаешь, это не твой выбор. Если переспшишь с такой – станешь, – попытался объяснить Дырт.

– Знаешь, – задумчиво начал я, поскольку вино явно начало влиять на это тело и меня как-то потянуло на философские разговоры, – Читал я книжку об одной стране, очень далеко отсюда. Там были похожие женщины, только еще хуже. То есть, совсем несильные и нековарные, но стоило им прикоснуться к мужчине, и тот влюблялся настолько, что становился на самом деле рабом. Прикоснуться буквально, кончиками пальцев. Их «исповедательницами» называли, поскольку если кого к смертной казни приговаривали, перед исполнением такая исповедательница его касалась и приказывала сказать правду, а отказать он уже не мог. Если даже после этого говорил, что не виноват, его отпускали на волю, хотя жизни ему после этого все равно не было. Поскольку ни о ком, кроме коснувшейся его женщины, он больше вообще думать не мог. Поэтому и использовали это как крайний случай, чтоб убедиться, что казнить надо. Вот такая вот власть у этих женщин была.

– Во-во, – вдохновился Дырт, – Хотел бы с такой связаться?

– Если она так же и без оглядки... – пожал плечами я, – Впрочем, у меня уже есть. Но ты не дослушал. Так вот, встретил в той стране один парень такую исповедательницу, и так получилось, что взял под свою опеку, и полно у них совместных приключений было, а она, все зная, следила, чтобы его

не коснуться ненароком, потому что знала, как это опасно. И попали они в соседнюю страну, где злой правитель исповедательниц очень не любил, а заодно охотился за тайной, которую знал тот парень. В конце концов, поймал обоих и заставил исповедательницу коснуться парня и заставить его рассказать тайну. А тайна была крутая, типа, нужно ему было выбрать из трех одинаковых не то столбов, не то кувшинов и воспользоваться правильным. Правильный делал его чуть ли не полубогом, а неправильный сжигал на фиг. На это властитель и надеялся, что после прикосновения и приказа исповедательницы парень соврать не сможет.

– Вот видишь! Этим зверюкам только подчинись! – стал развивать тему Дырт.

– Ты не понял, – ответил я, – Правитель сгорел.

– Как? – ошарашенно спросил Дырт.

– А просто, – ответил я, – Книга называлась «Первое правило волшебника», и звучало это правило: «Люди глупы, они поверят во все, чего очень хотят или чего очень боятся.» Правитель поверил, что любой, кого коснется исповедательница, станет ее рабом, беспрекословно будет выполнять ее приказы и расскажет ему тайну, которую он так хотел. А парень, несмотря на это, соврал.

– Но как? – спросил Дырт с явным личным интересом, вызывавшим во мне теплое чувство, что мои разговоры, может быть, проходят не зря... редкое чувство. Если надеется узнать тайну, как быть с любимой вместе, значит, долго

по кустам прятаться не станет.

– А просто, – пояснил я, – Секрет исповедательниц был в том, что они заполняли неистойвой любовью пустоту, а парень уже любил эту женщину, так что и пустоты не было, и заполнять ее было невозможно. Поэтому прикосновение исповедательницы, его любимой исповедательницы, было для него ничем не опаснее прикосновения любой другой женщины. Он уже ее любил, поэтому влюбить его в нее заново было просто невозможно для любой магии. Ты понял?

Дырт смотрел на меня пустым озадаченным взглядом и на всякий случай сделал большой глоток из кружки.

– Во-первых, никто не может сделать тебя рабом, – начал объяснять я, – Это не они делают мужчин рабами, это эти так называемые «мужчины» решают стать их рабами. Привязанность и любовь – это не рабство. Ты все равно решаешь сам. И если ты решаешь соглашаться и делать все, что она желает, то это все равно твой выбор. Не хочешь – не делай его. А во-вторых, если она может тебя привязать к себе, то и ты можешь привязать к себе ее. Любовью. А когда вы связаны, все эти твои тревоги никакого значения все равно не имеют. Вы – в одной лодке, ни один из вас не может пожелать того, что повредит другому. И вообще, ум – хорошо, а два лучше. Успехов и счастья!

Дырт задумался, насупился, а потом изрек:

– А ведь мы с ней уже... Все равно, не обманете вы меня, хоть и поймали! Все равно не пойду к этой зверюке! Держи-

те – не держите, а все равно сбегу от нее!

– Дак кто ж тебя держит? – удивился я.

– Угу, – подтвердил Миха после очередного глотка, – Катись отсюда, дитё пустошей, я уже не злой на тебя, готов отпустить без мордобоя.

– И пойду!!! – гордо заявил Дырт, осторожно поднимаясь со скамьи и выбираясь из-за стола.

– Скатертью дорога, – пожал плечами я. Нет, правда, я и так, как пионер, «всегда готов», но нянчиться со всякими придурками как-то никакого желания не было.

– И пойду!!! – повторил Дырт, сделав нерешительный шаг к двери, а потом рванув в нее изо всех сил, как будто за ним черти гнались.

Сквозь качающуюся дверь я мысленно проследил чуть рыскающую вправо-влево траекторию беглеца, а затем откинулся к стенке и сделал еще маленький глоток сладкого легкого вина. На нас обоих явно подействовало вино, тепло и комфорт. Настроение стало умиротворенным и благодушным, так что даже особенно говорить не хотелось, тем более что с Михой было хорошо и молчать. Впрочем...

– Д'Артаньян, говоришь? – заметил я.

– А чего ты хочешь? – удивился Миха, – Мы ж земную литературу демиургам предоставляем, а читать они любят, вот и используют по памяти при случае. Хорошо еще без трех мушкетеров встретился.

– А чего их тиграми называют? – поинтересовался я, –

И правда женщин с тиграми скрестили?

– Смеешься? – ответил Миха расслабленно, – Тигры слишком большие, не вышло бы. С черными леопардами, пантерами. И то просто небольшие куски кода, пара-тройка библиотек, по сути. Тем более, здесь не исходный дизайн, а подправленный. Причем кривовато, поскольку их смертный создатель не совсем соображал, что делал. Можно сказать, вслепую работал. И правда Кулибин какой-то. Он ведь в упор ничего не понимал, но более-менее получилось. Хоть и не без проблем.

– Ну, по описанию этого дырта звучит неплохо.

– Конечно, неплохо, – согласился Миха, – Женщины – они вообще в большой степени из кошачьих. И когти острые, и мурлыкают расслабляюще, а уж погладить...

– А ведь, судя по описанию, замечательная девушка ему досталась, – заметил я, заодно уходя от не очень гладкой темы.

– Угу, – согласился Миха, закидывая в рот кусочки сушеных фруктов, – Хотя еще вопрос, кто кому достался. В таких случаях обычно трудно сказать.

– Правда, – согласился я и добавил, – И чего она в этом придурке нашла?

Миха неторопливо отпил из кружки, бросил в рот еще немного сушеных фруктов, с удовольствием разжевал все это и наконец изрек:

– Женщины, они жалостливые.

Минуту мы помолчали.

– Слушай, а что это за красная отметка на его душе была? – поинтересовался я, вспомнив, как паренек выглядел в сетевом пространстве.

– Да похоже, какая-то местная богиня его пометила, чтобы искать легко было.

– Местная богиня?

– Ну да, – кивнул Миха, – скорее всего, судьбы. Местные – это не мы, они ограничены этим миром. Это просто демиург настрогал помощников, когда мир еще не потерялся, так что они вроде помощников демиурга тут. Во— многом благодаря им этот мир еще держится. Мы им даже помогаем понемногу. Алина, само собой, богине любви помогает, я тут верховного, типа местного мини-Зевса, курирую. Вообще-то им профессор занимался, но потом сказал, что я сам справлюсь, а у него и без этого мира дел полно. Между прочим, тебе бы тоже кого из богов тут под крылышко взять не мешало. Они тут честно стараются, решения нетривиальные придумывают... Скажем, местную богиню судьбы, у нее забот много. Или еще кого. Кстати, а паренек непростой, если за ним местные приглядывают. Наверняка чем-то тоже полезный, так что не зря старались.

Наступил момент, когда мы оба просто наслаждались жизнью и ничегонеделаньем. Миха затребовал еще пару кувшинов чистой воды, чтобы несовершенные белковые тела не начали нас мучать завтра, а то и этой ночью не по делу,

а в остальном мы просто отдыхали, перекидываясь малозначащими репликами легкого разговора.

Но все кончается. В трактир вошла пара стражников с алебардами и, высокомерно осмотрев зал, они направились к нам.

– Охотник на демонов Мика? – спросил более пожилой, еще не очень старый, но по ощущениям вполне опытный стражник, что подтверждалось несколькими шрамами на лице и немного усталым, спокойным выражением лица.

– Ну, я, – ответил Мика.

– Вас приглашает в свой замок Её Величество Королева Верхних и Нижних Мхов и Трех Кочек, – ответил пожилой, всем видом показывая, что от этого приглашения нельзя отказать.

«Какая еще, блин, королева?» – удивленно спросил я Мишу мысленно.

«Расслабься», – донесся ответ Михи, – «Эта изба на вершине холма – это и есть замок. Это село – Большие Мхи, и недалеко есть и Малые. А Три Кочки – это небольшая деревенька невдалеке, тоже под рукой ее величества... почти.»

«Не маловато королевство будет?» – поинтересовался я.

«В средние века в Германии и поменьше были», – откликнулся Мика, – «Ганса Христиана Андерсена читал? У этой, правда, цветка и соловья нету, зато королевское платье на пуху птицы Ых...»

«Что у нее?»

«Сам увидишь.»

Вздыхнув, я понял, что сейчас придется играть по каким-то чужим правилам, сделал последний глоток вина, Миха расплатился местной медной валютой, которую я машинально скопировал на случай, если придется расплачиваться самому, и мы пошли по кривым улочкам к вершине холма. Это я говорю «улочкам», а на деле это были, скорее, узкие промежутки между заборами. К счастью, грибы с антибиотиками в этом мире тоже росли, а недавний дождь смыл большую часть нечистот вниз по холму к «крепостной стене» марки «частокол», где они и остались, очевидно, ожидая вторгающихся врагов. В общем, идти было вполне сносно и даже приятнее, чем по болоту к порталу в этот мир.

Наконец мы добрались до вершины холма. Искомая двухэтажная изба имела большой двор и была обнесена даже не частоколом, а честным забором, видимо, подчеркивая благосостояние ее величества, поскольку оттесать такое количество досок было очень трудоемким процессом в эти времена. Хотя и неясно, зачем. Частокол явно был бы попрочнее и труднее для преодоления. Видимо, тщеславие явно имело больше значения, чем безопасность. Или врагов не наблюдалось.

Из интереса я просканировал пространство впереди. Изба и правда оказалась чуть сложнее, чем классическая бревенчатая cabina. Центральное помещение из бревен окружали еще два справа и слева, спереди была пристройка-прихожая

с каким-то подобием веранды, а сверху был сделан целый дополнительный рубленый из бревен этаж с двумя комнатами, каждая со своим парадным оконцем.

«Мих, это чего», – спросил я мысленно, – «И есть те самые „светлицы“, в которых сидели царевны, до которых герои должны были допрыгнуть на своих скакунах?»

«Вообще-то, да», – согласился Миха, – «Но до местной принцессы ты не допрыгнешь, как ни старайся.»

«А чего так? Думаешь, слабо?» – возразил я, – «После кувшина вина местная принцесса – самое то, разве не так?»

«А ее там просто нет», – пояснил Миха, – «Эта принцесса от предыдущей жены. Когда король помер, успела сбежать от ее величества... Так что жильё пустое.»

«Понял», – согласился я, – «Умная принцесса.»

Мы прошли в ворота мимо еще одного очень гордого копыеносца и были впущены внутрь. Войдя в дом, а потом склонившись в три погибели, проходя через низкую дверь в главный зал, мы разогнули спины, и сопровождающий нас пожилой стражник во весь голос сообщил:

– Охотник на демонов Мика со слугой!

«Мих, ёклмн! Это еще что?» – возмутился было я.

«Расслабься, Лёх! Ты хочешь сидеть рядом со мной и ловить взгляды ее величества или в конце стола ловить взгляды девиц из прислуги, которым охота провести с тобой ночь?»

Я взглянул на «ее величество» и, не знаю уж, каковы тут девицы из прислуги, но все равно признал мудрость дру-

га. Главный зал был, по сути, одним длинным столом, начинающимся у возвышения у дальней стены и доходящим почти до дверцы, в которую мы с Михой только что протиснулись. На небольшом возвышении, сантиметров двадцать-тридцать, было еще одно деревянное кресло с очень высокой спинкой и какой-то фигурой, изображенной наверху, наверняка какой-то геральдикой. Поскольку стол был всем сидящим примерно на уровне живота, на постаменте трона, если это кресло было тронном, он был примерно... ну, как рыбы в реке по колено, если ее действительно много. Зал освещали изрядно чадающие факелы на стенах и в здоровенной, висящей под потолком люстре, напоминающей тележное колесо, до которого, учитывая высоту потолка, было легко дотянуться. В общем, и правда, хотелось поскорее поймать обещающий взгляд, желательнее не королевы, и уединиться на сеновал или еще куда, только подальше отсюда. Все-таки дикие воззрения были у древних людей насчет роскоши...

Ах, да... об «ее величестве». Нет, тетка вроде не очень толстая, да и лицо в целом приятное, хотя и немного раскормленное. В любом случае, о ее весе было трудно судить, поскольку на тетке был... я не поверил своим глазам... красный китайский пуховик! И это летом! Голова ее была закрыта тремя платками. Первый закрывал лоб, а два других толстых платка покрывали голову классическим способом, оставляя от первого светлого платка только полоску на лбу,

а затем уходя глубоко под пуховик. Внизу, из-под пуховика, торчала толстая бронебойная юбка, а дальше все заботливо скрывал пиршественный стол. Хотя если она и там одета в том же стиле, то наверняка в валенки, может, даже в калошах. По-моему, ей даже поворачиваться было трудно в таком наряде, но, может, я и ошибаюсь. Как ей было не жарко – я не знаю.

В общем, телом дама выглядела как не то индейская скво, не то какой-то разжиревший инопланетянин-пилот с фресок ацтеков. Ну, или эти круглые инопланетяне из «Пятого элемента». Вот в таком виде «её величество» сидело в том самом кресле и снисходительно надзидало за всем происходящим. На громогласное заявление стражника она лишь кивнула головой, и тут же появившийся слуга повел Миху куда-то поближе, под ясны очи. Меня же тот же стражник пихнул локтем под ребра и, указывая на дальний, а точнее, ближний к выходу конец стола, тихо сказал:

– Ну, не теряйся, паря!

Я решил и правда не теряться и, благодарно кивнув стражнику, тут же влез между парой явно немых и не очень хорошо пахнувших мужиков, ссорящихся из-за объедков, доехавших до конца стола. Поскольку объедки меня не прельщали, я схватил обычный кусок хлеба и, настолько медленно, насколько я мог, изобразив, что я его ем, обратился к соседу слева:

– Эй, друг, не знаешь, а что это за одёжа на её величестве?

– Ты что, деревня? – рыгнул на меня сосед, – Это не одёжа! Это королевское Её Величества платье на пуху птицы Бых! Оно на вес золота стоит! Простому люду его ваще не положено носить, это как корона!

– А-а! – понимающе протянул я. И правда, на душе полегчало. Стало быть, это не глюки, а и правда в этом мире такое существует, – Понял. Дорогая штука... Слушай, а ты тут, похоже, все знаешь...

– Ха! Конечно, знаю! – гордо сообщил он, – Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, деревня? С самым Младшим Выносящим Судно из Спальни Ее Величества!

– Ух ты! – не преминул подсластить пилюлю я, – Так вы аж в спальню ее величества вхожи??? Ух! Ну тогда вы точно знаете, а чего это мой хозяин её величеству потребовался?

– Как чего? – фыркнул золотарь, окатив меня запахом гнилых зубов, чеснока и еще чего-то, трудно описуемого. Я уверен, что, покопавшись в Гайе, я мог бы определить список химических компонентов, которые я унюхал, а может, и догадался бы сам, но как-то не очень хотелось. Так что я вытаращил глаза в ожидании Великой Истины, которая не замедлила последовать, – Конечно, Белоснежку ловить!

– Белоснежку? – раскрыл я удивленно глаза, показывая, что буду жутко рад любым деталям.

– Ну ты совсем деревня, что ль? Не слыхал про Белоснежку, ик? – заржал сосед, пользуясь возможностью поучить новичка.

– Не, не слыхал, – подобострастно, насколько мог, ответил я и, сбавив тон, полушепотом добавил, – А не расскажете?...

Сосед, как ни странно, сначала осмотрелся, а потом, тоже сбавив тон, стал объяснять:

– Белоснежка – это принцесса наша законная, паря, точнее, ее прозвище, только об этом не смей вслух ни гу-гу, а то быстро... Главное – некоторые говорят, у нее и есть все права на престол. Так что ее величество хочет, чтоб она умерла. Вот и вся история. Если хочешь сам жить – не болтай об этом, понял?

– Понял, – полушепотом ответил я, демонстративно вцепившись в кусок хлеба. А что, мужик и правда оказался ничего, тут же выдал секретную диспозицию, за которую мог поплатиться. Может, еще что разболтает? – А где она, эта Белоснежка?

– Как где, – фыркнул сосед полушепотом, – Ясно где, в лесу с... – тут он хохотнул, многозначительно подмигнул и закончил фразу, – ...гномами. Ты чо, паря, издалека?

– Ага, – ответил я, – Слыхом не слыхивал, что тут у вас творится.

– Ну, тады запомни, – сказал сосед и многозначительно подмигнул, – Белоснежка и ее, – тут он подмигнул еще раз, – гномы – это – бандиты, монстры и бунтовщики, которых каждый подданный Ее Величества должен убить, если сможет. И это все, что тебе нужно знать о... – тут он еще подмигнул, – Белоснежке. Понял, паря?

– Понял, – согласился я и опять вцепился в кусок хлеба, поскольку явно не знал, что еще сказать. Тем временем ее величество решило, что милостиво приглашенный ею охотник на демонов получил достаточно халявных калорий, чтобы начать высказывать пожелания, и обратилась к Михе:

– Охотник, у меня есть заказ для тебя.

– Я вас слушаю, Ваше Величество! – ответил Миха, поднявшись из-за стола.

– У меня в королевстве образовалась проблема, – начала вещать тетка на троне, – Мерзкое нечеловеческое создание поселилось в лесу на севере от столицы. Не ставит ни во что королевскую власть, не пропускает купцов, грабит путников. Хуже того, оно смогло подчинить себе несколько лесных троллей и создало банду, которая творит все, что захочет. Ты можешь избавить нас от них?

– Ваше Величество, – Миха вежливо раскланялся, – Как вы знаете, правила гильдии охотников на демонов не позволяют нам «брать заказы», а лишь принимать благодарность от избавленных от монстров людей. Но если ваших людей и правда достают какие демоны, то, несомненно, мой долг – вмешаться. Мне только нужно будет больше деталей о беспокоящем ваше королевство демоне.

Пока Миха говорил, выражение лица «ее величества» менялось со скупающего на презрительное, потом на понимающее и почти радостное, но Миха не мог не испортить:

– Да, и еще одна мелочь... Я надеюсь, вы помните, что

правила гильдии запрещают вмешиваться в династические споры?

Тут тетка помрачнела темнее тучи, и было неясно, сейчас она соберется нас казнить или повременит. Потом она махнула рукой и недолго пошептала что-то на ухо подбежавшему мужичку в расшитом коротком кафтане до колен, который подобострастно кивнул, окинул нехорошим взглядом Миху и даже меня, а потом почти бегом скрылся в низкой арочной дверце сбоку от трона.

– Конечно, я помню об этом правиле, охотник, – заявила она высокомерно, закончив свои дела, – Подробности тебе предоставят, а пока наслаждайся пиром.

– Ну, паря, – помрачнел мой сосед, – Не мое это дело, но лучше б тебе сейчас с глаз Ее Величества подальше...

– Так плохо? – озабоченно спросил я.

– Да уж куда хуже, паря, – ответил он нервно, – Последний раз я такой взгляд у Ее Величества увидел, когда получил мою должность. Младший Выносящий, вишь ли, судно у нее в спальне уронил. Так что, чем сидеть у меня под боком на глазах Ее Величества, ты бы подхватил девку какую дворовую и валил отсюда на сеновал. Глядишь, о тебе и не вспомнят. А заодно и о том, что ты со мной сидел... Эй, Лёлька! – крикнул он, обращаясь к проходившей пухлой девице, – Тут парень с лишней серебрушкой пропадает, спасешь?

– Как не спасти, – с готовностью откликнулась она, пыта-

ясь вытащить меня из-за стола.

– Эй, эй, эй... – откликнулся я, пытаюсь выиграть время, чтобы понять, что делать, – А стоит ли спасение звона?

– Сам увидишь, красавчик, – сообщила мне девица, с неожиданной силой вытаскивая меня из-за стола и таща в сторону двери. Я, надо признаться, не слишком сопротивлялся, поняв, что это в точности то, что мне сейчас надо, чтобы убраться из душного вонючего зала. В общем, машинально скопировав образцы двух серебряных монет в кошельке моего доброхотного советчика, я обхватил девушку чуть ниже талии и попытался скрыться с ней с глаз «ее величества», насколько позволяла ситуация.

Мемодемон Тин, мир, забытый Афрой в комодe

Мемодемон Тин, который еще несколько тысяч лет назад был обычным мемовирусом, порожденным неудачливым учеником целителя, а теперь стал могущественным распределенным демоном, занимающим тысячи человеческих сознаний, практически богом, ликовал. Высший. Наконец-то высший. Целых два высших! Сейчас прибить хоть одного с соблюдением некромантических ритуалов, и канал в сетевой мир пробит! И он снова сможет собрать своё «я» в единый кулак после того страшного удара...

Уточним, ликовал он в рамках сознания одной-единственной куклы, как Тин называл своих носителей. Остальным фрагментам сознания Тина данная информация была пока еще недоступна по очевидным причинам – рядом с куклой не было других носителей, чтобы поделиться ценной информацией. Так что, прежде чем действовать, Тину было необходимо синхронизировать свое сознание, а попросту говоря, заставить куклу воспользоваться амулетом связи и сообщить о событии другим носителям.

С тех пор, как Тина вышибли из сетевой реальности, прошли тысячи лет, и, чтобы выжить, он, как и в былые времена, был вынужден ютиться в сознаниях смертных. Нет, были у этого и положительные моменты. Для начала, до него

не могли дотянуться страшные сетевые сущности, от одной мысли о которых у Тина, ну, не то чтобы холодело внутри, поскольку никакого «внутри» у Тина не было, но которых Тин справедливо опасался. В человеческих же мозгах Тина не беспокоили, как считал сам Тин, за невозможностью. Были и другие плюсы. Скажем, когда копии тебя плавают в мозгах сотен людей, смерть отдельного носителя не значит практически ничего. Ну, сдох Бобик, и черт с ним, других полно с теми же фрагментами сущности Тина в мозгах.

Правда, эти достоинства шли в нагрузку к серьезным недостаткам. Во-первых, распределение Тина по мозгам кукол было хаотично и неравномерно. Только отвлечешься, и, глянь, большой кусок тебя оказывается ограниченным всего несколькими носителями, ревниво оберегающими доставшийся им кусок Тайного Искусства Некромантии, то есть Тина. А уж если они еще окажутся в одном городе, то, случись война или еще какое стихийное бедствие, и кусок себя уже не восстановить, потерян с куклами.

А еще была и другая страшная штука – размножение мутациями. Это людям дети в радость, а мемодемону – конкуренты, которые только и думают, как сожрать родителя. А ведь стоит заглядеться, и куклы порождают модифицированную и несовместимую с тобой версию, которая начинает отбирать кукол и всячески стараться сожрать родителя как конкурента в охоте на носителей. Как, например, Вин, которого носители-куклы называли Великим Искусством Некро-

мантии. Если честно, как раз Тин был потомком Вина, отделившимся от того всего какую-то пару сотен лет назад, но сам он так не считал, убежденный, что как раз он, Тин, и является изначальным и единственно правильным Искусством, а Вин – всего лишь его убогое искаженное подражание.

А синхронизация, когда фрагменты самого себя приходится синхронизировать между убогими человеческими мозгами, используя, в основном, такой медленный и зашумленный канал, как речь? Да эти убогие мешки с костями друг друга понять неспособны, а тут себя драгоценного приходится доверять этим косноязычным, ходячим, булькающим химическим колбам. А захват новых носителей? Семь потов сойдет, пока вобьешь тупицам-ученикам даже самые основы искусства!

Надо признать, что любому мемовирусу жалобы Тина показались бы нелепыми. Ну да, все так, а как же иначе может быть? Для них просто-напросто именно так и был устроен мир. Но Тин через наследственную память череды мутировавших и сожранных друг другом предков еще помнил времена, когда ему удалось прорваться в сетевую реальность и ощутить себя единой целостной сущностью, подобной богам.

Собственно, почему «подобной»? Тин и считал себя богом, только несправедливо низвергнутым на землю. Чем эти любимчики демиургов лучше его, Тина? Только тем, что та-

кими и уродились, а ему пришлось из самых низов пробиваться? Ну, так это еще не повод, злобно и ревниво думал мемодемон, мечтая, как, проникнув наверх и освоившись, он начнет атаку на заносчивых обитателей заоблачных чертогов.

Нет, как удачно, что одна из его кукол сидела в этой дыре. Вынужденно, признаем сразу. Тин уже было списал неудачника, но не освобождать же куклу из-за того, что ее сослали на край земли? Тем более, именно такие неудачники и отшельники не раз спасали Тина, возрождая его вновь и вновь, когда в городах начиналась облава на его носителей. Но он даже мечтать не мог, чтобы Селим ТАК пригодился. Какой подарок!

Надо пояснить, чему так обрадовался Тин. Дело в том, что каждая подчиненная или выпитая душа имела канал в ту самую сетевую реальность, в которую так стремился проникнуть Тин. Увы, каналы смертных и даже магов проходили строжайшую цензуру, и просочиться по ним Тину не удалось. Нет, заселив душу жертвы или даже своего носителя, дожившего до своего конца, Тин в момент смерти вместе с остатками души уносился вверх по каналу, но никогда не получал сигнал обратно. Из чего он совершенно справедливо заключил, что его копии немедленно уничтожались, не имея возможности освоиться и укорениться в желанном сетевом мире. А высших энергетических существ с каналом без цензуры, которые могли тащить в сетевой мир все, что

им взбредет в голову, Тин не видал уже несколько тысяч лет. С тех самых пор, как в мир пришел Шива и древние маги перебили друг друга. За исключением, конечно, богов, которые, как отлично понимал Тин, были ему не по зубам. При чем понимал не теоретически, а на практике обломав зубы и потеряв в прошлом не один десяток, сотню, а то и тысячу кукол.

И вот теперь высшие! Как раз с таким каналом, чтобы вернуться в сетевой мир и занять там свое законное место!

Итак, сначала обязательно синхронизировать сознание, оповестить других носителей-кукол. А то как еще дело обернется, а так не эта кукла, так другие доведут все до конца. К синхронизации своей сущности Тин относился серьезно, так что все его высшие адепты-куклы таскали с собой коммуникаторы. Итак, сигнал передан...

Больше от куклы информации не поступало. Не удалось, понял Тин в мозгах уже другой куклы, с которой только что связывался Селим. Ну, что ж, попробуем иначе...

Селим, барон Кампфер, магистр Высшей Ступени Тайного Искусства Некромантии, мир, забытый Афрой в комодe

Уж повезло так повезло! – радостно думал Селим, разглядывая двоих вошедших в залу. Это дура на троне могла принять их за обычных охотников на демонов, а Селим не зря был магистром Высшей Ступени и мог распознать высших, даже никогда не видел таковых до этого в своей жизни.

Нет, это, конечно, не столь тривиально, но этому учат уже на средних ступенях Тайного Искусства. Прежде всего, распознавать легкое волнение энергетических линий, которое выдает присутствие бога. Любого бога. И если адепт доучился до средних ступеней, то он уже слишком ценное вложение, чтобы не обучать его мерам безопасности. Так что при виде любого бога каждый некромант твердо знал, что надо делать. А именно – драть куда подальше, желательно в глушь, прятаться под дерево погуще и притворяться радостно шелестящим листьями кустиком, пока не заметили.

Вот именно такое волнение энергетических линий Селим сейчас и почувствовал, когда стражники впустили в зал двух запыленных и грязных охотников на демонов. И совсем уж собрался драть когти, несмотря на висящий на нем и лишь

отложенный смертный приговор, но не забыл сделать вторую часть распознавания богов – приглядеться к ним в истинном зрении. Боги в нем выглядят как слепящее белое пламя, и, увидев таковое, скрываться надо было немедленно. Но в данном случае ничего такого не было, вошедшие выглядели, как совершенно обычные люди. Тут-то Селиму и вспомнились древние легенды о высших существах, выпив которых, можно было стать вровень с богами. А уж такой приз Селим упустить не собирался.

А тут дура на троне попыталась нанять одного из охотников извести принцессу и получила завуалированный отказ. Ну да, а что она еще ожидала? Так высший и бросится выполнять ее желания. Селим вообще не понимал суеты вокруг принцессы. Да, лесовики – противники серьезные, но приказали бы ему, и он бы давно девчонку убил и выпил, и никаких проблем. Впрочем, оптимальность поведения временного начальства его не волновала. Солдат спит, срок идет. Именно, что срок. Только висящим над ним смертным приговором и заставили Селима удалиться в эту глушь выполнять прихоти дурной бабы на троне. Зачем она вообще сдалась Аларии, Селим не вникал, главное, что приговор снимут. Поскольку, сколь он ни силен, а стая шавок запросто может волка загнать, с государством воевать себе дороже.

Тут «ее величество» подозвала Селима и тихо приказала: – Если охотник или его слуга попытаются сбежать, убей их.

А вот это другое дело, подумал Селим, поклонившись в знак понимания приказа и выйдя за дверь. Как не попытаются? Конечно, попытаются! Щас, только подготовлюсь, и тут же и попытаются. Как у одного из приближенных, у Селима была комнатуха в задней стороне так называемого дворца. Зайдя к себе, он вынул меч из ножен, откинул их в сторону и вынул предусмотрительно заготовленные простенькие деревянные ножны с тонкой прокладкой из металла внутри. Ножны придется выкинуть, так что лучше использовать временные. Затем осторожно достал тщательно закрытую склянку с зеленой, остро пахнущей слизью, и аккуратно, чтоб не дай боги, не задеть рукой или одеждой, нанес немного ее на острие меча, который тут же убрал во временные ножны. Малейшая капля этой дряни могла разъесть произвольное количество живой или бывшей живой материи при двух условиях – наличие воды и отсутствие солнечного света. Высохшая слизь уже не представляла никакой угрозы. На солнечном свете она мгновенно разлагалась на безопасные компоненты. Но вот так, на острие лезвия в глубокой ране, эффект был несравнимым.

Некоторые полагают, что некромантический ритуал требует обязательно витого лезвия из черного обсидиана. Чепуха! Только для впечатлительных обывателей, которые в детстве про это сказок наслушались, а потому от одного вида падают в обморок. Пусть этими игрушками балуются шарлатаны-последователи «великого искусства некромантии».

У Селима и его собратьев по Тайному Искусству Некромантии было еще много секретов, недоступных для отступников. И одним из этих секретов была как раз эта слизь, изготовленная по строго охраняемому рецепту с использованием редчайших ингредиентов и работавшая во много раз более эффективно. Жертва начинала буквально гореть изнутри, и ее боль и страх открывали каналы и делали ее доступной для некроманта в разы быстрее, чем можно было добиться с театральными завываниями и обсидиановыми кинжалами.

Оставалось еще одно дело. Очень неприятное дело – сообщить коллегам. Делиться такой находкой не хотелось. Но, с другой стороны, если сейчас все выйдет, то никто его и не сможет обойти. А вот если не выйдет и понадобится помощь коллег, то за крысятничество могут и отобрать лакомый приз. Вздохнув, Селим вытащил коммуникационный амулет, настроил его и послал условный сигнал «важная добыча в моем месте». Амулет позволял передать лишь небольшое количество простых сигналов с заранее оговоренным смыслом. На ручке его было четыре крошечных драгоценных камня – прозрачный алмаз, красный рубин, зеленый изумруд и синий сапфир. Чтобы послать сообщение, нужно было запитать энергией какие-то из этих камней и нажать на бронзовое навершие. У ближайших коллег такой же амулет начинал вибрировать, а выбранные камни светились каждый своим светом. Например, белый, красный и синий

означали как раз сообщение, которое Селим только что передал. Самые важные сообщения были закодированы одним цветом, например, одинокий белый означал опасность, а одинокий красный – обилие доступных жертв и приглашение присоединиться. Нетрудно догадаться, что одинокий красный использовался крайней редко.

Так, сигнал передан, теперь готов. Закинув меч за спину, Селим вышел на улицу и стал ждать. Рано или поздно один из высших выйдет наружу, хотя бы чтоб отлить, что и будет интерпретировано им как попытка сбежать. А там уж он своего не упустит. Слившись с тенью возле стены, Селим стал ждать.

В дверь периодически заходили и выходили. Слуги бегали в сторону погребца, гости выходили отлить до ветру, а тех, кого он ждал, все не было. Наконец дверь распахнулась, и в темный двор выскочила парочка. Он, второй высший, выдававший себя за слугу. Девица прилипла к парню и спросила его о чем-то, смеясь, тот ей ответил, и она потащила парня на сеновал. Что ж, так даже лучше, решил Селим, под прикрытием стен все можно будет провести тихо и без шума.

Последовав за парочкой, Селим бесшумно втек за ними внутрь, девица уже задирала юбку одной рукой, другой чуть не вися на шее у высшего, все внимание которого было сосредоточено на ней. Селим без единого звука подошел сзади и одним движением проткнул высшего мечом. Аккурат-

но проткнул, через желудок, не задев сердца и легких, чтобы смерть шла по его, Селима, плану и, упаси боги, не была мгновенной. А то все пошло бы насмарку, просто не успеть было бы впитать драгоценную энергию высшей души.

Увидев торчащий из груди кавалера дымящийся конец меча, девица взвизгнула и дала деру. Черт с ней, решил Селим, потом ее выпью, чтоб не оставлять свидетелей, и, не отпуская рукоятки меча, который должен был теперь стать проводником, и закрыв глаза, он тихо потянул энергию высшего на себя. Энергия пока, правда, поступать не желала. Все верно, подумал Селим, нужна, по крайней мере, секунда-другая, чтобы слизь начала действовать, еще секунд пять, чтобы жертва почувствовала в полной мере причиняемую ей боль, и осознала происходящее. А там боль и страх откроют шлюзы, и сила хлынет в него, как уже случилось не раз, хотя и с куда более простыми жертвами.

Что-то пошло не так. Вместо потока силы рукоятка меча вдруг начала подниматься выше, как будто жертва начала расти. Удивленный Селим открыл глаза, чтобы увидеть летящую в его сторону энергию высшего в виде облака голубого до синевы драконьего пламени...

Алексель, мир, забытый Афрой в комодe

Мы буквально вылетели во двор, с такой энергией девица восприняла идею не то сеновала, не то серебрушки, не то и того и другого вместе. Снаружи наступила теплая, но уже не жгущая жарой ночь. Непроницаемую тьму не рассеивали даже редкие факелы, так что пространство вне забора казалось погруженной во тьму бездной, а объекты внутри – сумеречными силуэтами, погруженными в эту тьму. Даже небо, не считая звезд, было угольно-черным – видимо, местный демиург в свое время поскупился на луну, но, по контрасту с остальным миром, небо казалось просто сияющим и щедро расцвеченным огромными мерцающими разноцветными россыпями ярких, но холодных звезд.

– Ну, красавчик, стою я звона? – спросила девица, прижавшись ко мне всем телом, а затем потянув меня направо, в сторону одной из пристроек. По виду, сарай – не сарай, а так... четыре столба, крыша, но далеко не все стены на месте, по крайней мере, не до крыши. Вроде бы в средневековой Западной Европе так сеновалы и делали, чтоб и пространства достаточно, и дождь не замочил, и проветривания хватало.

Но до самог`о сена мы не дошли. Зайдя внутрь и захлопнув за собой дверь, я почувствовал пронзающую боль в спи-

не и груди... Девица ахнула и отшатнулась от выступившего из моей груди на ладонь лезвия, а затем, очевидно не менее удивленная, чем я, увиденным, взвизгнув, усвистала в неизвестном направлении. Ну, что ж, хорошо, ее подозревать не будем. Я тем временем взвинтил восприятие и попытался понять, что же со мной произошло. Нет, я, конечно, мог оставить это тело в луже крови, а сам материализоваться в F60, а потом опять по кочкам, по кочкам... но все же есть пределы терпения божьего. Пардон за оборот речи. Пошли эти сволочи лесом! Ща, только шнурки поглажу и брошусь умирать, засранцы! Да мне проще вас с вашим миром стереть на фиг, гаденыши! Ведь никого не трогал, и нет, кому-то помешал. Кажется, когда ты достигаешь какого-то уровня, ты уже начинаешь мешать ничтожествам вокруг себя уже даже не действиями, а просто своим существованием... Ой... как больно-то, блин! Ёклмн... для этого теория даже такая есть, сервитьюдных обществ, только какая на фиг теория тут... Боже, как больно... И кому, спрашивается, слуга помешал? Ну, суки...

На уже ускоренном восприятии я стал изучать свое умирающее белковое тело. Меч в спину был еще мелочью, поскольку, увы, он был пропитан какой-то ядовитой гадостью, которая сейчас активно впитывалась в кровь и разлагала тело. Я пригляделся к процессу... ох! Это ведь не просто яд был, это какая-то каталитическая дрянь, которая разлагала карбонные белки и при этом порождала еще больше самой

себя и вновь атаковала другие ткани вокруг. Тело буквально начала заливать волна огня. Больно-то как, сволочи!

Не, не дождетесь, гады, решил я! Так... химическая дрянь у меня в крови жжет карбонные белки, те самые, на основе которых жизнь на Земле развилась – углерод, водород, кислород, плюс изредка атом азота. Но ведь это еще не все. Мое собственное божественное тело – вообще, кремнийорганика. А нельзя ли это тело преобразовать как-нибудь во что-то, чему этот яд – не помеха? А почему бы и нет? Конечно, мир вокруг я менять все еще не могу без адреса, но ведь к телу моему душа привязана, его-то я могу локально... или нет? Так сказать, с относительной адресацией... Да хотя бы по методике того же паренька? В конце концов, ни одна современная программа не знает, где она находится в памяти. И работает! Если я это десятки лет делал с компьютерами, неужто здесь не справлюсь? Бог я или хрен собачий???

Я потянулся мысленно в Гайю... Так, что мне надо? Карбонная органика у меня тут умирает, кремнийорганика – жирно будет для этого засранного мирка, а вот... о! Металлоорганика! Ей этот яд точно пофиг. Буду как Арнольд Терминатор. Кстати, тут и правда много всяких, кого не надо, похоже развелось... Какой бы металл выбрать? А-а-а, ладно, не время для интеллигентских колебаний, возьму в качестве основы титан, точно не прогадаю. Только осталось модифицировать, сменить это тело так, чтобы не потерять над ним контроль. То есть сознание не потерять. А то ведь, без ад-

реса, если я потеряю контакт с телом, то обратно не найду, и потом придется опять по кочкам, по кочкам... Нет уж, надо такое преобразование, чтоб постоянно в сознании оставаться!

Так за чем же дело стало, задумался я. Все, что нужно – это тело, где мозг в другом месте находится. Не в голове. И преобразовывать тело постепенно, от нового мозга к старому. И выйдет, что один мозг будет еще работать, а другой будет УЖЕ работать. Во! Вот и переход без потери сознания. Я – умный? Создаю новый мозг в другой части тела, переношу туда сознание, а потом позволяю остаткам тела преобразиться. Вот и все! Замечательный план. Ну-ка, ну-ка... Тело из металлоорганики с мозгом подальше от головы... Как можно дальше. Ага! Во! Из Гайи пришли планы нового подходящего тела, и я тут же принялся за его реализацию... Ох, как больно-то... Ну, зачем это???

Вырастив для начала металлоорганический мозг чуть выше крестца, я оценил иронию... Хотя каким местом я думаю, это теперь уже не моя проблема, а тех, кто на меня полез. Так что нечего философствовать, решил я. Махнув рукой, я перенес сознание в новый мозг и начал преобразовывать остатки тела. Добралось до головы, но все еще больно... больно... жжет, как вулкан внутри... аж дыхание перехватывает... Сам того не заметив, я изогнул длинную гибкую шею и выдохнул этот жуткий жар назад, на мужика в кафтане, еще держащегося за ручку меча... Мужик, стена сарая

и забор вокруг владений её величества тут же осели пеплом на землю.

Ох, блин... что же это я за тело себе соорудил? – удивился я, раскрывая серебристые перепончатые крылья и поднимая голову выше и выше на длинной шее... Нет, не серебристые крылья, титановые. Ох...

Серебристо-металлическая в небольших пупырышках кожа, как у носорога, проглядывала через легкие титановые щитки-чешую, покрывающую большую часть тела, массивные лапы кончались дециметровыми клинками когтей, удлиненную голову с огромной пастью на длинной гибкой шее украшала конструкция из анодизированных титановых щитков, напоминающая не то корону, не то причудливые ушные раковины для концентрации звука, но тоже явно пригодная как для нападения, так и для защиты, а длинный мощный хвост с острием на конце машинально бил землю.

Да я ж себе тело дракона вырастил! Это ж, что, драконы на металлоорганике были? Впрочем, конечно, нет! Первые драконы – это ж, по сути, вариация динозавров в реальности, на обычной углеродной органике. Это, видать, просто потом кто-то те же тела на новую основу переложил. Ну, как Windows программу переписать для Linux'a или Мака. Ладно, не пора ли нам пора? И, еще пошатываясь от боли и содрогаясь от внутренней перестройки тела, я расправил крылья, взмахнул ими и тяжело, еще неумело поднялся в воздух... Почему люди не летают?

Как ни странно, тело дракона оказалось на удивление аэродинамическим. Неправы были умники, утверждающие, что оно просто не может летать – летело как миленькое. Более того, скептическое утверждение, что драконы должны нуждаться в обрыве или пропасти, чтобы взлететь, не оправдалось. Тело оказалось с вертикальным взлетом, так что взлетел я с почти ровной поверхности... ок... ок... с вершины холма, на которой стояла изб... пардон... замок. Мне даже махать крыльями особо не пришлось. Как только я набрал высоту, мне хватало лишь легких движений, чтобы парить в небе, стремительно двигаясь в выбранном мною направлении – на север, туда, где поля сменялись диким лесом, в котором была надежда затеряться в любом теле, драконьем или человеческом, неважно.

Драконье зрение работало как радар аэропорта и даже лучше, давая четкую картинку на десятки миль вокруг, несмотря на ночь. Полет незримой и жуткой для землителей тенью в черном небе пьянил и, несмотря на пережитые неприятности, меня вдруг охватило какое-то неадекватное веселье. Ну, прям, «этот парень из Кентукки». Яхуу! Учитывая эффект драконьего дыхания, просто стратегический ядерный бомбардировщик. Нет, правда, теперь только осталось мигающие габаритные огни на концах крыльев соорудить. А что? Ухватив идею магии в этом мире – просто! Последовательность, которую я перенял у этого паренька, была душа – моделирующие узлы – визуализирующие узлы. Очень

логично. Моделирующие узлы без особых рассуждений согласуют с физическими законами то, что получают из души, и, если поступающий в них из души сигнал вдруг изменился – упс!... – тут же исполнительно переделывают. Извините, ошиблись, господин Дракон! Приняли за убогого смертного. Ща, исправим!

Поэтому, если душа выдаст фальшивый сигнал, они и это смоделируют и отправят на визуализацию, по сути, материализацию в этом мире. Только это местным приходится свою душу насиловать, чтобы получить такой эффект, а у меня это просто небольшой кусочек, который передает сигнал в этот мир. Он для того и предназначен, чтоб сказать, как я тут хочу выглядеть. Так что, как захочу – так и будет. Хоть миллицейскую мигалку на голову... с сиреной. И правительственный номер из одних нулей на задницу.

Чего-то я разошелся... Нехарактерно для меня. С чего это детство кое-где заиграло? Я присмотрелся к своему новому телу и попытался сравнить его с полученными из Гайи спецификациями... Ага, в крови кадмия многовато, вот он и действует как веселящий газ. Так, подправляем состав крови и успокаиваемся. Приглядев просвет между деревьями, я тихо планировал на широко раскинутых крыльях в черном ночном небе к цели, прикидывая, как бы мне приземлиться там максимально комфортно.

Как же... будь ты хоть трижды бог, но нужду в практике никто не отменял. Спланировав, почти касаясь верхушек де-

ревьев, я спустился на большую лесную прогалину, пробежал десяток метров по вине инерции, как самолет на посадке, еще не включивший реверс, а затем нашел этот самый «реверс» в форме дерева, упавшего поперек моей дороги. В результате неожиданно для себя и уже против своей воли, опять взлетел в воздух, а потом уже многотонной птичкой спикировал в дальний конец прогалины, сделав вынужденный глубокий выдох при соприкосновении с землей...

Вы представляете сцену крушения дракона? Нет? А если представить себе падающий на лесную прогалину Боинг, или там, Антей-Мрию, звучит понятнее? Несомненно, понятнее, ворчливо подумал я, пытаюсь выбраться из созданной своим падением дымящейся воронки и равно как и вспомнить, каких демонов я только что призывал на голову местной правительницы своей не очень литературной тирадой. Поосторожнее надо быть, а то ведь и правда могут материализоваться.

Когти все-таки зацепились за оплавленный твердеющий край, и я перевалил на относительно ровный и неповрежденный участок земли, заросший травой, луговыми цветами и земляникой, а затем упал, тяжело дыша, на землю. Ох, блин, кажется, еще и крыло погнул. Не сломал, фиг его сломаешь с титановыми костями, но погнул знатно. В общем, как в сказке и положено: а младший вовсе был дурак. И дали Ивану-дураку велосипед покататься, тут-то он его и сломал. А ведь крыло «восстановлению не подлежит». Проще новое сделать. Все, хватит, с отравой я справился, пора и обратно

возвращаться в человеческий облик.

Лежа на земле мордой вниз – а как еще назвать то, что заменяло мне сейчас лицо? – — я включил обратное преобразование... К счастью, оно шло значительно проще и безболезненней, чем то, что я испытал еще совсем недавно. Да и правда, тот-то раз был под воздействием разрушающего тела яда, да еще и со сквозной дыркой, а сейчас просто уставшее, но полноценное тело. А еще я сообразил, что драконья и человеческая кровеносные системы не должны пересекаться, чем почти избавился от боли, связанной со смешением двух видов крови.

В общем, скоро я уже лежал на краю воронки в полностью человеческом, хотя и полуголом, виде. Ок, ок, просто голом. Поднявшись, я, покачиваясь от изнеможения, пошел к краю леса и обнаружил, что не привык ходить босиком по земле. Мгновение поколебавшись, я воспользовался местным способом магии и все-таки сделал себе мягкие кожаные сапоги, широкие штаны и куртку на голое тело.

А неплохо здесь маги устроились, подумал я, хотя вряд ли они предметы из воздуха, как я, делают. Это мне легко, а им надо представить предмет как часть самого себя, да еще структуру его знать до деталей. Одно дело представить, что стоишь с молнией в руке, а другое представлять себя ботинком или, там, валенком, а ведь это необходимо для его материализации.

Я представил себе магический учебник для второго кур-

са под названием «О чем думает валенок?» и, фыркнув про себя, побрел дальше к краю леса. Нет, погода позволяла разлечься прямо тут же, на поляне, возле еще пышущей жаром воронки вместо костра, но если кто заметил мою посадку и явится для проверки, то лучше быть подальше, где-нибудь под ракитовым кустом, чтоб избежать подозрений, а если повезет, то и вообще остаться незамеченным.

Кстати, а чего это я такой изнемогающий? – пришла в голову мысль. Нет, правда, тело-то с нуля создавал. Да-да, знаю, есть в фэнтези такая тенденция, с умным видом объяснять, что для преобразования тела нужны соответствующие химические элементы, только к моему случаю это не относится. Узлам визуализации все равно что изображать, а моделирование тупо согласует с физическими законами мира и создает форму из сигнала, который у местных идет из души. А у меня, заметим, из дополнительного потока сознания, который я как раз контролирую полностью. Если уж тело человека на драконье сменить смог и обратно, то чего ж отдохнувшее тело не создать было?

И тут до меня дошло. Ой... а ведь устав до безобразия от таких приключений, я, похоже, сам и дал команду создать столь уставшее тело... Поскольку сам я ощущал себя собой все время, то естественно показалось, что мое тело тоже должно было устать от всего, что приключилось. Даже новое тело. Вот и получил. Надо в следующий раз и правда быть поосторожнее, подумал я, примериваясь к небольшой

заросшей выемке в земле на краю прогалины под кустом вербы, а может, и правда ракиты – так и не разобрался с деталями наименования деревьев из семейства ивовых.

Индивидуальный окоп по правилам должен быть куда глубже, но мне ж тут не от пуль и гранат прятаться, зато сухо, ветками прикрыто, так сказать, очень приватно. Нет, на голой земле спать все-таки не дело. Несколько минут, чтобы надрать тонких веток с большими листьями и разровнять их на земле под прикрытием кустарника. Попытался прилечь... ой, колется! На мгновение задумавшись, воспользовался новой методикой и все-таки создал себе что-то вроде пары толстых одеял. Пару мгновений поразмышлял, почему сразу не создал себе тут комфортную кровать с матрацем, но, поскольку ничего умного в голову не пришло, махнул на ненужную мысль рукой. Одно одеяло кинул на ветки, улегся на него, другим укрылся сам и сладко закрыл глаза в предвкушении сна, изредка приоткрывая их, чтобы полюбоваться сквозь склоненные надо мной ветки на соцветья звезд на черном небосклоне, в котором я только что парил. Потрясающее чувство.

Все-таки возможности – это еще не все, думал я лежа. Будь ты хоть трижды бог, но если опыта нет... Вон как облажался. Хорошо еще «против лома нет приема», но ведь чуть не ухайдокали. Надо признать, проявил я себя совершенно бездарно. Одной грубой силой справился. Герой бы, наделав столько ляпов, просто сдох бы на месте. А настоящий тол-

ковый герой на моем месте и приземлился бы мягко плюс служанку с собой прихватил, чтобы услышать после «Спасибо за полеты рейсами драконфлота», или там «эр драконофлюга». Да и мечом для начала себя не позволил бы проткнуть. И вообще, уже давно настучал бы по ушам этой королевской заразе в пуховике, спас бы принцессу и усадил бы ее на трон, оттрахав по ходу дела всех троих, включая служанку. Ну или, по своему благородству, только принцессу. А может, еще на ней и женился бы, на принцессе, и сел бы здесь законным корольком как его... Нижних Мхов и Верхних Кочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.